

РУССКАЯ ИМПЕРСКАЯ ФАНТАСТИКА

Александр

Афанасьев

ВРЕМЯ ГЕРОЕВ

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ

Бремя империи

Александр Афанасьев

Свой среди чужих

«ЭКСМО»

2012

Афанасьев А. Н.

Свой среди чужих / А. Н. Афанасьев — «Эксмо»,
2012 — (Бремя империи)

Это казалось невозможным, но горячим летом 2012-го Нью-Йорк атаковали те, кто еще недавно считался ближайшим союзником Америки. Интриганы с туманного Альбиона решили использовать свой последний шанс на передел мира и сохранение могущества Великобритании. Казалось бы, они предусмотрели все, и даже Российская империя не должна была помешать – ведь в окружении Николая Третьего назрел серьезнейший кризис, а самые верные его соратники, такие как адмирал граф Воронцов, бывший наместник в Персии и непримиримый враг британской короны, были удалены от трона. Более того, коварные англичане имели убийственный козырь, сковывавший русских по рукам и ногам... Но они не учли, что опальный Воронцов пребывал в изгнании именно в Северной Америке и отлично помнил древнюю заповедь: «И один в поле воин»! И джентльменам из Лондона предстояло очень скоро убедиться, что не учли – зря...

Содержание

Пролог	7
16 августа 2004 года	21
В опале	33
Подготовка	39
11 мая 2012 года	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Александр Афанасьев

Свой среди чужих

*Плохо иметь англичанина врагом,
Но еще хуже – иметь его другом...*
Генерал А. Е. Вандам,
русский доброволец,
участник Англо-Бурской войны

Североамериканские Соединенные Штаты – страна уникальная. Страна свободных и отважных, единственная страна, совмещающая демократическую внутреннюю политику с имперской внешней, и при такой противоречивости успешно развивающаяся. Родившаяся всего-то три века назад, за это время она стала одной из сильнейших держав мира. Но у каждой страны есть ахиллесова пята – и САСШ не исключение из правил.

Ахиллесовой пятой САСШ стала травма, полученная при рождении этой сильной и свободной страны, – можно сказать, родовая травма. Первоначально эта страна была колонией Великобритании, землей, куда ссылали из Британии преступников. Изначально она была не землей свободных, а лагерем заключенных и рабов...

После того как американцы нашли в себе силы сбросить колониальное иго – они сразу же совершили ошибку. Вместо того чтобы раз и навсегда порвать со своей бывшей метрополией, они начали развивать близкие отношения с ней, словно стремясь аннулировать результаты Войны за независимость, которую вели их отцы и деды. Еще тогда североамериканцы могли принять правильное решение – развивать отношения с Россией, благо русский престол поддержал североамериканцев против Британии в войне за их независимость. Решили по-другому.

Архитектура глобального миропорядка, существующая по сей день, сложилась в двадцатые годы, когда были образованы два основных геополитических союза, определяющие и поныне расстановку сил в мире. Германия, превратившаяся в Священную Римскую империю германской нации, и Российская империя заключили договор о создании «Единого антикоммунистического фронта». Этот договор стал основой создания русско-римского военного блока, направленного прежде всего против подлинного рассадника революционной заразы – Британской империи. Великобритания же обезопасила себя, заключив так называемый «Трансатлантический пакт» со своей бывшей колонией, с Североамериканскими Соединенными Штатами. В отличие от антикоммунистического союза, трансатлантический не был оформлен единым и всеобъемлющим документом, существовало несколько договоров по разным аспектам сотрудничества, подписанных в разное время и при разных президентах САСШ.

Ошибка, ставшую смертельной, сделал не кто иной, как Фолсом. Недалекий и пустой человек, он не только пошел на резкое повышение градуса международной напряженности, он сделал кое-что похуже. Непонятно, чьей это было инициативой, североамериканской или британской – но как бы то ни было, в одна тысяча девятьсот восемьдесят втором году президентом САСШ Фолсомом и премьер-министром Ее Величества Рэтчер был подписан секретный, дополнительный протокол к договору о коллективной обороне и безопасности. Этот протокол, по размерам бывший едва ли не большим, чем сам договор, не просто предписывал одной из стран присоединиться к другой, если та объявит войну Российской империи. Этот протокол устанавливал, что в случае, если одна из стран пойдет на недопустимые союзнические отношения с Российской империей, другая страна получает право вторгнуться в нее, чтобы военным путем не допустить этого.

Непонятно, почему и за что Фолсом так ненавидел Россию. Возможно, правы были иерархи Русской православной церкви, объявившие Рональда Фолсома одержимым дьяволом.

Как бы то ни было, этот президент-актер настолько был одержим мечтой сокрушить Россию, что ради этого подписал расстрельный приговор своей собственной родине, заложив мину под ее будущее.

Но существовал и еще один дополнительный протокол. Он был подписан германским кайзером и Его величеством Императором Российским Александром в самом конце тридцатых годов, когда в САСШ назревал революционный взрыв. Согласно этому дополнительному протоколу Священная Римская империя германской нации и Российская империя в случае государственного переворота (революции) в САСШ и свержения законно избранного правительства обязывались вторгнуться в САСШ с целью восстановления законного порядка и недопущения гражданской войны. В те времена, когда подписывался этот протокол, подписывавшие его имели в виду исключительно коммунистическую угрозу. Но про коммунизм в протоколе не было сказано ни слова – как про сатану, опасно произносить даже имя которого.

Это и был второй дополнительный протокол...

*Знаю дела твои, и труд твой, и терпение твое,
и то, что ты не можешь сносить развратных,
и испытал тех, которые называют себя апостолами,
а они не таковы, и нашел, что они лжецы;
ты много переносил и имеешь терпение,
и для имени Моего трудился и не изнемогал.
Но имею против тебя то,
что ты оставил первую любовь твою.
Итак, вспомни, откуда ты ниспал,
и покайся, и твори прежние дела;
а если не так, скоро приду к тебе,
и сдвину светильник твой с места его,
если не покаешься. Впрочем, то в тебе хорошо,
что ты ненавидишь дела Николаитов,
которые и Я ненавижу.*

Откровение Иоанна Богослова
Апокалипсис

Пролог

28 июля 2012 года

Нью-Йорк

– Готовы, сэр?

Я поднял большой палец, прижимаясь к стене рядом с проломом, с левой стороны. Машинально коснулся рукой цевья автомата, хотя умом понимал, что, случись на улице ночной вертолет-охотник, – автомат не поможет. Просто с автоматом как-то спокойнее...

– Три-два-один!

На счет «один» мы выскочили из пролома, пригибаясь, бросились через улицу. Бежать было тяжело, то тут, то там обгоревшие остовы автомобилей делали эту дистанцию бегом с препятствиями. Под ногами противно хрустело стекло, запах гари шибал в нос. Не обращая внимания ни на что, я бежал за своим провожатым, ориентируясь только по его спине. Сержант ходил этим путем до штаба не один раз, и прошлые разы он был безопасным...

– Сюда, сэр...

Нырнули в пролом, темнота сразу подействовала как-то... успокаивающе. Положив руку на пистолет, я осмотрелся.

– Чисто.

– Чисто, – подтвердил и я.

Мой провожатый улыбнулся:

– Еще немного, сэр. Лаз почти рядом...

Громыхнуло, содрогнулась земля, с потолка посыпалась пыль. Что-то угрожающе заскрипело...

– Еще одно попадание – и нас тут похоронит... – высказал я беспокоившую меня мысль.

Сержант, выделенный мне в провожатые командованием позиционного района Омега-Браво, надвинул на глаза ночник, пробежался взглядом по стенам, изучая метки. Совсем недавно в стандартный комплект снаряжения солдата армии САСШ поступили специальные химические карандаши, написанное ими было видно только в прибор ночного видения. Прочитав оставленную до него неизвестными героями этой войны наскальную живопись, сержант достал свой карандаш, сделал на стене несколько своих пометок...

– Готово, сэр. Судя по записям, впереди чисто.

Я скептически хмыкнул. Совсем недавно я потерял человека из своего отряда только потому, что в первый и последний раз поверил находившимся рядом североамериканцам, что впереди чисто. Десантники могли быть в любой точке города, в том числе и внутри позиционных районов. Не говоря уж про бойцов САС, с которыми мы пару раз цапнулись. Неслабо так цапнулись...

– Не верю я записям... – С этими словами я достал из разгрузки тепловизорную насадку, начал устанавливать ее на винтовку впереди прицела. Примерно прикинул: пара часов в батарейках еще точно есть, а вот дальше батарейки придется либо доставать новые, либо подзаряжать имеющиеся в полевых условиях. Раньше, конечно, таких вот устройств, как компактный тепловизорный прицел, дающий возможность видеть даже сквозь стены, не было – но и голова насчет того, где взять батарейки посреди разрушенного войной города, тоже не болела...

– За мной. Скрытно только. Пошли.

Ползти по коридору было тяжело, весь он был засыпан кирпичом и мусором, а в центре и вовсе обрушен. Пахло дымом, паленой пластмассой, горелым мясом. Массивная бетонная плита при прямом попадании, скорее всего вертолетного НУРС, ушла вниз, открывая прямую дорогу на второй этаж...

– Делаем со второго этажа...

Сержант тяжело сопел где-то позади. Вот она, разница между спецами и штурмовиками, даже отлично подготовленными. Спеца ты не услышишь, пока он тебя ножом по горлу не чиркнет...

На втором этаже еще один НУРС выломал кусок стены – но устроился я не там, а на груде мусора, встав на колени. Если дом под прицелом снайперов – то именно на этом проломе как на наиболее удобной снайперской позиции сосредоточено их внимание. Я же не просто в коридоре – я сместился в дверной проем одной из комнат, ограничивая себе зону обстрела, но приобретая относительную безопасность. Заметить меня будет сложно...

Повел прицелом, медленно, сантиметр за сантиметром осматривая улицу, которую нам предстоит пересечь. Все то же самое – разбитый, обгоревший остов машины, разорванный пополам прямым попаданием ПТУРа, скорее всего вертолетного, автобус, который использовался в качестве баррикады. Массивное здание молла, от которого остался только остов, – стены, перегородки, в основном стеклянные или из гипсокартона, выбиты, кое-где на этажах что-то горит, ослепительно белым заревом полыхая в перекрестье прицела. По улице стелется тяжелый, чадный дым – где это еще возможно, обороняющиеся жгут соляр, пластмассу и все, что может давать хороший дым – чтобы хоть как-то уберечься от высокоточного оружия. Впрочем, британцы высокоточное оружие берегут, применяют его только по выявленным штабам и особо важным целям. А так – долбают из развернутых на своих позициях гаубиц, добывая тяжелораненый город...

Сдвинулся чуть вперед.

Он-па... А это что за номера...

Левее, на самом пределе поля зрения, на последнем этаже девятиэтажной офисной коробки-билдинга. У самого края. Вообще туда случайно посмотрел, на самом пределе видимости...

– Сардж – левее, на триста. Девятый этаж. Знаешь их? – спросил я, передавая винтовку.

Мне лично эти деятели с последнего этажа не понравились. Совсем не понравились. Судя по засветке на тепловизоре – четверо, как раз один патруль САС. Один залег на самом краю с чем-то, напоминающим тяжелую снайперскую винтовку, второй – чуть левее, с чем-то, напоминающим пулемет. Еще двое у прибора наблюдения. И там же на треноге стоит нечто, напоминающее легкий противотанковый ракетный комплекс.

– Нет, сэр, я их не знаю...

– Стой! – остановил я сержанта, уже схватившегося за рацию – не лучший способ покончить с собой. Если это те, о ком мы думаем, они сидят на частоте. Связь – дерьмо собачье, они знают и частоты, и коды дешифровки.

Скорее всего и в самом деле САС. Двадцать второй полк, мать его так. Это их тактика последнего времени. Группа наблюдения, они высаживают их с вертолетов на высотные здания, рядом с точками, которые кажутся им узлами обороны. Они наблюдают за ними столько, сколько нужно, потом либо уничтожают их сами, либо вызывают «Харриеры» с высокоточными боеприпасами. Проклятые «Харриеры»: если в воздушном бою с нормальными истребителями они мало что стоят – то тут в городе им цены нет. Идеальны для поддержки наземных сил – взлетают с любой подходящей площадки типа школьного стадиона, несут до четырех тонн нагрузки, скорость больше вертолетной, могут висеть на одном месте. Если сюда вызовут эти «Харриеры» – конец, без вариантов...

– Сделаем так. Есть код опознания трассерами или ракетами?

– Есть. Три-один на сегодня.

– Сваливай отсюда. Найди точку, не в этом здании, оттуда дай сигнал опознания. И сваливай. Еще лучше – автомат за что-нибудь закрепи, леску к спусковому крючку и дергай. Если

что – я их сниму. И не высовывайся. Точка встречи, если что – вон тот автобус, запасная – основной вход в молл. И не рискуй, уйди в укрытие, потом и давай сигнал.

– Понял, сэр...

– Давай.

– Доброй охоты, сэр.

– И тебе, сардж...

Думал ли я когда-нибудь, что мне придется командовать не отрядом морских диверсантов-подводников, не русским кораблем, а отрядом американских морских пехотинцев, из последних сил пытающихся отстоять свою страну от *нашествия*. Однако же пришлось. Шел две тысячи двенадцатый год от Рождества Христова, и это был Нью-Йорк, не сдающаяся на милость врагу столица погибающей в агонии страны...

Город держался уже восемнадцатый день, держался несмотря ни на что. Британцы перебрасывали морем и по суше из Канады все новые и новые силы – но город держался. Недавно прошла информация, что город отрезан от страны экспедиционными силами британцев, прорвавшими оборону в Северной Каролине, – но город все равно держался. Его обороняли и солдаты, оставшиеся верными законно избранному правительству, и местные жители, в основном из не слишком богатых пригородов, не пожелавшие снова становиться британским доминионом. За время обороны – а я с отрядом был здесь уже шестой день – я видел даже пацанов-скаутов, приходивших в отряды с винтовками двадцать второго калибра, подаренными им отцами, большей частью уже павшими в бою. Они приходили и говорили, что отказываются эвакуироваться и будут сражаться. Когда их спрашивали, за что, они говорили – за независимость. Про североамериканцев можно было говорить и думать всякое – но не уважать в эти минуты их было нельзя...

Город горел... Десантные части британского экспедиционного корпуса сжимали кольцо, наступая как с территории Канады, так и с моря, высаживаясь с десантных кораблей. К этому времени сыны Туманного Альбиона уже полностью господствовали в воздухе, превосходили части, обороняющие город, по живой силе и бронетехнике – вот только продвинуться дальше и окончательно захватить город, развить успех десантников они пока не могли...

Надо сменить позицию – пока есть время. У сержанта выбраться на позицию, найти подходящее место и путь отхода, прикрепить автомат – все это займет минут десять. За это время надо найти подходящую позицию, так, чтобы быть защищенным в максимальной степени и отчетливо видеть цель...

Лучше всего для этого подойдет пролом – пролом в стене. Такой пролом в стене можно найти в любом здании, оттуда и стрелять, частично укрывшись за той же самой стеной. Всего четыре точных выстрела – и дело сделано...

Надеюсь, что сделано...

Все эти дни, пока мы были здесь, пытались получить нужную нам развединформацию, налаживали контакты с армейскими частями и морскими пехотинцами, вместе с ними действовали против британцев, был приказ не вмешиваться ни во что, но выполнить этот приказ было невозможно – все эти дни меня не покидало стойкое ощущение дежавю. Все это уже было – несколько лет назад и далеко отсюда: пылающий город, обгоревшие машины на улицах, отдающий под ложечкой слитный грохот орудий. Бейрут – вот где это было. Говорят, что все возвращается. И, наверное, правильно говорят. Здесь и сейчас – вернулось по полной: горящий Бейрут вернулся горящим Нью-Йорком, и бывшие союзники превратились во врагов, а враги – в союзников. Воистину, каждому отливается по полной – осталось только увидеть горящий Лондон и заходящие на бомбометание палубные бомбардировщики с окруживших проклятый остров авианосцев. Только тогда можно будет считать, что день расплаты – настал, справедливость – восстановлена...

А вот и подходящее место...

Включив фонарик, наскоро осмотрел комнату – это было какое-то федеральное учреждение. Все в норме – ни в полу, ни в стенах, ни в потолке дыр нет. Готовясь к очаговой обороне, дыр сделали немало – для срочной эвакуации, для переходов с этажа на этаж минуя лестницы, для того чтобы забрасывать гранаты с верхних этажей на нижние. Здесь их нет, два пути отступления – в коридор через дверь и через окно. Стрелять можно из дверного проема, подтащив туда... да вот этот ксерокс и подойдет как раз. Массивный офисный аппарат, выдает десятки копий в минуты – но сейчас ценно только то, что он удержит пулю и заслонит собой половину дверного проема, как раз создав упор, чтобы стрелять. Бiggerого сейчас и не надо...

Трассеры метнулись из развалин быстрее, чем я ожидал – я только успел вскинуть винтовку. Догорающие жгуты огненных трасс впились в ночное небо, я успел рухнуть на колено за ксероксом, опирая винтовку на руки и крышку машины в более-менее удобное положение. И как раз в этот момент пулеметная очередь хлестнула со стороны высотки, через дорогу по подвальному этажу, развернул свою винтовку снайпер...

Ну-ну... Кто вы такие – непонятно. Но точно не свои...

Винтовка отдала в плечо – раз за разом, довольно слабо для такого патрона. Непривычно – в разведпоиске на территории противника необходимо пользоваться его оружием, чтобы не выделяться. Вот мы и пользуемся – винтовками знаменитой Fabrique Nacional из Льежа, новейшими FN SCAR, принятыми на вооружение североамериканских спецвойск и производящимися на североамериканской мануфактуре FN. В русской армии и ВМФ они тоже приняты на вооружение как оружие ограниченного стандарта – для спецподразделений, готовящихся действовать на территории противника...

Ослепительно белые фигурки в прицеле, прильнувшие к пулемету и снайперской винтовке, замерли, те, что были рядом с прибором наблюдения, сползли вниз по стене, одного отбросило назад и он исчез из поля зрения прицела. Ни один из них не успел выстрелить в ответ. В этом и есть современная война – никаких дурацких дуэлей, ты стреляешь первым и побеждаешь, стреляешь, прежде чем выстрелят в тебя...

Опережая возможный ответный огонь, метнулся вниз, на пол. Секунда, две, три – и я уже вне комнаты, вывалился со второго этажа на улицу, которую мы только что перебежали, завалился за изрешеченный пулями и стоящий на обгоревших дисках на асфальте внедорожник. Замер.

Ничего. Глухой грохот крупнокалиберных пулеметов с севера, ухающие разрывы гаубичных снарядов, расчерченное разноцветными трассерами небо, зарево пожаров на горизонте.

Все, как тогда...

Из полуподвального окна отсигналили трижды тусклым красным фонарем, я нашарил фонарь на разгрузке, мигнул в ответ один раз. Код опознания надо помнить так, как помнишь свое имя и свое задание; без него запросто нарвешься на огонь своих же. При очаговой обороне в городе – запросто...

Выключил прицел, снял его и убрал – нечего батарейки зря жечь. Закинул винтовку за спину, извиваясь ужом по асфальту, пополз туда, откуда отсигналил фонарем сержант. Пополз, осторожно ощупывая дорогу перед собой. Может быть все, что угодно – и растяжка, и провод под напряжением. Иногда пальцы попадали во что-то липкое – на это я уже давно не обращал внимания...

Перевалился через узкую щель в полуподвал, относительно целый. Сержант присел на колено у стены, высматривая что-то на улице...

– Что?

– Вон там, у противоположной стены, сэр... Мелькнуло что-то.

Еще, что ли, одна группа?

Сменил магазин.

– Почему тогда они меня не пристрелили, сержант? – высказал я мучившую меня мысль вслух.

– Не знаю, сэр...

Вот и я – не знаю...

Путаясь в каких-то трубах – котельная здесь была, что ли, переместились к ведущему наверх пролому, багрянеющему отсветом пожаров. Сержант принялся осматривать здания впереди, я стоял чуть позади с оружием на изготовку. Если откроют огонь – я ударю в ответ по вспышкам.

– Впереди посмотрел?

– Чисто, сэр.

– Как идем?

– Вон там бронемашина, подбитая посреди дороги. Броском – до нее. Вход – левее на двадцать.

– Там нас пулями не встретят?

– Нет, сэр. Посты дальше, в развалинах первого этажа. Там же – растяжки, но я знаю, как они стоят. И пароль знаю.

Растяжки могли и переставить.

Не доверяя сержанту, сам опустил на глаза ночник, осмотрел, что перед нами. К ночнику тоже нужны батарейки, но если что – обойдемся и без них, а вот тепловизор будет жалко, если содохнет. С тепловизором ночь – твоя.

– На счет три. Я иду первым, ты – прикрываешь. Три, два, один...

Метнулся в пролом, под ногами хрустел битый кирпич, и тут буквально спиной почувствовал, что на меня кто-то смотрит – сверху и со спины. Кувыркнулся – как заяц от дробы охотников, прыжком завалился за машину, стоящую у самого тротуара.

Вовремя! Справа, со спины, перебивая друг друга, ударили сразу несколько винтовок, пули разорвали асфальт, прошли стальным градом по остову машины. Засада! Еще одна засада в доме, стоящем напротив и правее торгового молла, видимо, прикрывающая первую засаду. И какая засада! Увидев, как погибла первая группа, они не стали делать глупостей, они не стали демаскировать свою позицию, они просто подождали, пока мы не пойдем к моллу – если мы подошли отсюда, другой дороги все равно для нас нет. А сейчас они отрезали меня огнем и ждут, кто же придет мне на помощь.

Хорошо рассчитали. Молодцы. Но и я к таким расчетам готов.

Не дожидаясь, пока одна из градом летящих пуль заденет меня, я нащупал справа на разгрузке заветный цилиндр, достал его, едва не оборвав карман, рывком выдернул чеку и бросил гранату себе за спину...

Вспыхнуло – с нестерпимо ярким, режущим глаза светом полыхнул магний. Прибор ночного видения, сетчатка глаза – такая вспышка слепит все. Кто-то сразу заткнулся, кто-то продолжал стрелять, но уже неприцельно. Не дожидаясь, пока британцы придут в себя, я перекатился к капоту, уходя от пуль, и открыл огонь, ориентируясь по вспышкам выстрелов в четырехэтажном здании напротив.

Первым заглох пулемет – он давал более яркую вспышку пламени и сейчас лихорадочно бил левее того места, где я был, пулеметчика ослепило вспышкой, и он бил непрерывным огнем наугад, запарывая ствол и не давая мне подняться. Перевел винтовку левее, двумя быстрыми выстрелами погасил еще один огонек в оконном проеме. Азарт поднимался волной, делая *неуязвимым*. От молла по четырехэтажке лихорадочно застучал пулемет, поддерживая и прикрывая меня...

И тут – что-то разорвалось левее, в нескольких метрах, около кузова грузовика, пахнуло нестерпимым жаром. Словно локомотив разогнавшегося под гору поезда сбил меня с ног и прокувыркал по асфальту. Потом свинцовой тяжестью навалилась темнота...

Пришел в себя не сразу. Сначала появилась боль. Тупая такая, будто кто-то ритмично бьет меня большой киянкой – деревянным молотком по голове. Раз за разом, настойчиво и прямо по затылку. При каждом ударе перед глазами колыхнется красная пелена...

Не открывая глаз, приказал себе пошевелить пальцами ног. Осознал, что шевелятся – значит, не все потеряно. Потом точно так же пошевелил пальцами рук – шевелятся тоже и даже боли нигде нет, если не считать головы. Значит – пронесло, только контузия. Вытащили...

Осторожно сел, приходя в себя. Меня оттащили в подвал, или, возможно, это подземная стоянка, и положили на импровизированное ложе, состоящее из каких-то ящиков и спальника. Дали отлежаться – и спасибо.

Ощупал себя – пистолет на месте, в кобуре, винтовку забрали. Жаль, если пропадет, хорошее оружие. Впрочем – разжиться оружием в городе нынче не проблема, оно на каждой улице, подбирай и стреляй. Его нынче больше, чем стрелков...

Поднялся на ноги, оперся о ноздреватую бетонную стену, постоял так. Шатало, к горлу подступала тошнота...

Надо выпить.

Фляжку, которая была пристроена в нагрудном кармане, прикрывая область сердца, у меня забрать никто не догадался, хотя если бы знали, что там, – наверняка бы забрали. От первого глотка затошнило, едва не вывернуло прямо на месте, второй пошел уже лучше. Коньяк обжег рот, проскользнул подобно фокстерьеру в лисью нору.

Хватит...

Опираясь рукой об стену, я пошел искать командование...

Подвал. Большой, просторный, кое-где стены уже змеятся трещинами, но все еще держатся. Бухтит генератор, недобрым, зеленым светом светят химические источники, делая лица зелеными, как у упырей. Кое-где безжалостно светят переносные прожектора, из одного угла подвала второй не виден, большая часть его во тьме. Какие-то перегородки...

В подвале были люди. Люди в форме, с винтовками, солдаты, из последних сил обороняющие обреченный город. Расставив полевые компьютеры и информационные терминалы, они работали, напряженно глядя в бегущие строчки, пальцы мельтешили по клавишам. Рядом же стояли терминалы голосовой связи, пульсировавшие голосами с передовой. С линии фронта, проходящей в квартале-двух отсюда...

– *Зулу-Браво шесть, наткнулись на сильное сопротивление по координатам дельта-один-три-один – восемь-зеро-зеро-девять-один. До роты противника, не менее двух единиц тяжелой бронетехники. Просим поддержки.*

– Альфа-Браво, прорыв колонны противника, усиленной бронетехникой, в твоем секторе, левее монумента, на девяти часах от нас!

– Альфа-Браво два и Альфа-Браво три, обходим их с фланга, прошу поддержки огнем!

– Гризли два-один, снайперы в высотном здании левее от тебя на десять. Вопрос: наблюдаешь их?

– Голиаф, проще все здание обрушить, чем подавлять поодиночке. Прошу разрешения на использование термобарических боеприпасов, прием.

– Голиаф всем Гризли! Для подавления огневых точек противника в зданиях подтверждено использование термобарических боеприпасов, как поняли, прием...

– Внимание всем! Подтверждено наличие десантной группы противника в здании на точке Альфа-два-пять. Чарли-Альфа, приказываю выдвинуться к зданию для ликвидации десанта противника, как понял, прием...

– Альфа два-пять – это здание федерального резерва, огонь ведется с крыши и с верхних этажей здания, как поняли, прием...

– Эвакуационная площадка в секторе шесть под огнем, садиться не могу...

– Чарли-Дельта, приказываю подавить огневые точки противника в секторе шесть, ведущие огонь по эвакуационной площадке. При выдвижении на исходные прикроем тебя огнем, как сможем. Как понял...

– Я Альфа-Фокстрот, четыре «Харриера» прошли надо мной, направление двести семьдесят.

– Вас понял, Альфа-Фокстрот, готовим встречу...

– Голиаф, это Ромео три. Наблюдаю скопление живой силы и бронетехники противника. Прошу артиллерийский удар по координатам...

Рядом, у стен, до верха стоят зеленые ящики, кейсы с оружием, вскрытые пакеты с боеприпасами. Кто-то курит, воспользовавшись редкой свободной минуткой, кто-то чистит оружие, кто-то набивает магазины и пулеметные ленты. Тут же, прямо на бетоне, фельдшеры пытаются что-то сделать с ранеными – хотя на всех их явно не хватает. В углу – зеленые, застывающие на молнию мешки, где нашли последний приют те, кто победы уже не увидит.

Будет ли она, победа? А зачем воевать, если не веришь в победу?

Только сейчас я понял, что молоток, бьющий мне по затылку, существует в реальности. Наверху, в промежутках между едва слышной отсюда автоматной перестрелкой, бормотанием пулеметов и грохотом скорострельных пушек, размеренно ухают разрывы. Накрывают район где-то близко отсюда – но и сюда весь ужас того, что происходит наверху, доносится в виде глухих ритмичных ударов, заставляющих едва заметно содрогаться стены...

– Коммандер. Коммандер!

Я обернулся...

– Сержант...

– Черт. Сэр, вам нельзя было вставать.

– Я уже встал. Где мое оружие?

Оружие мое было за спиной у сержанта, вместе с его штатным Ar-20. Хорошо, что нашлось, привык уже...

– Целы?

– Цел, сэр. Контузило только. Вас тоже, еще сильнее даже. Нас сюда затащили...

– Кто командует?

– Полковник Уилкинс, сэр. Я ему уже доложил.

– Ведите...

Штаб полковника Уилкинса располагался в самом углу, туда были направлены переносные прожектора, и несколько человек склонились над картой позиционного района обороны. Там же в пирамиде стояло их основное оружие, рядом работало несколько терминалов связи.

– Сэр! – я постарался вытянуться по строевой стойке, насколько мне позволяло мое состояние...

Невысокий, в грязной полевой форме без знаков различия человек поднял свой взгляд на меня:

– Вольно...

– Спасибо, сэр... Коммандер Рейвен, позиционный район Омега-Браво.

Выбирая себе позывной, я особо не мудрствовал. Ворон по-английски «рейвен», значит, пусть и будет Рейвен...

Полковник рассматривал меня большими, красными от усталости глазами. В безжалостном свете прожекторов его лицо казалось серым...

– Так вы и есть коммандер Рейвен...

– Так точно, сэр.

Полковник провел ладонью по лицу, зачем-то посмотрел на карту.

– Могу вам только выразить благодарность, командер. Вы здорово обеспечили наш фланг. Если бы не вы...

– Сэр, районом обороны командует майор Пикеринг.

– Бросьте... После гибели Вулби районом командуете вы. И если бы не вы – у нас были бы куда более серьезные неприятности, чем те, которые есть сейчас. Черт, никогда не думал, что буду благодарить за это русского...

– Спасибо, сэр...

– Перерыв, десять минут... – скомандовал полковник, – после перерыва приступаем снова. Передайте всем, чтобы сменили частоту. И выставьте новые датчики...

Про то, что я русский, знали уже многие. Наверное, и британцы тоже. Шила в мешке все равно не утаишь, да и смысл? В одних ведь окопах воюем. Суровая правда войны – ты поцелуешь любую задницу, что вытащит тебя из дерьма, кому бы она ни принадлежала. А среди североамериканцев ненависти к русским нет, даже среди военных, готовившихся воевать с нами. В этом я уже успел убедиться...

– Пойдемте, командер. Время познакомить Ромео с Джульеттой. Вы курите?

– Нет, сэр.

– Жаль... Сигара хороша только в компании...

– Это так, сэр...

Полковник присел на ящик, показал рукой на ящики напротив. Достал из нагрудного кармана толстый цилиндр сигары, неспешно осмотрел ее.

– Знаете, командер... Если бы я попытался закурить в своем кабинете еще пару месяцев назад, начался бы страшный скандал. В Пентагоне недавно везде понатыкали детекторы дыма, в кабинетах, в коридорах, на лестницах, в лифтах... Даже в туалете. Если куришь – придется иметь дело с отделом HR, и плевать, какое у тебя звание и сколько наград. Все дело в том, что приняли закон, строго запрещающий курить в любом государственном учреждении. Черт, только чтобы избавиться от всего этого политкорректного бреда и быть по-настоящему свободным, стоит повоевать. А у вас в России есть такой закон, командер?

– У нас – нет, сэр. Кто хочет – курит, кто не хочет – не курит. В некоторых местах запрещено курить вне специально отведенных мест – но это все.

Полковник достал боевой нож «Ка-Бар», обрезал им кончик сигары. Зажег толстую, сигарную спичку, окунул коричневый кончик «Коибос» в колеблющийся огонек, запыхал дымом, раскуривая плотно свернутый табачный лист...

– Куба... Настоящие. Россия – свободная страна, более свободная, чем наша, если у вас действительно все так обстоит. Впрочем, я всегда не верил телевизору...

Хорошо бы не верили и остальные, полковник. Если бы не верили, если бы хоть немного подвергали сомнению то, что льется ежедневно на нас из этого ящика с дерьмом, – возможно, нам не пришлось бы сейчас сидеть здесь под обстрелом...

– Зачем вы здесь, командер? – спросил полковник, наслаждаясь дымом.

– По приказу, сэр. Мне отдали приказ, и я его исполняю.

– По приказу... Вам приказали воевать на нашей стороне?

– Не совсем так, сэр. Вообще-то мне нужен генерал Бэббидж. Это его уровень компетенции, извините, сэр...

Полковник выпустил клуб дыма, мы оба понаблюдали за тем, как он медленно плывет к подрагивающему от близких разрывов потолку...

– Генерал Бэббидж со штабом погиб вчера. Прямое попадание управляемой авиабомбы. Пещерная модификация, с задержкой взрыва, мать их так. Кто-то сдал...

Вот это номера...

– И кто сейчас командует?

Полковник снова затянулся дымом, прежде чем ответить.

– Пока что – ваш покорный слуга. Это – временный штаб обороны города. Эвакуация заканчивается на рассвете, после чего начнем отход и мы. Если останемся к тому времени в живых. Так что все, что вы имели сказать генералу Бэббиджу, вы можете сказать мне. Есть, конечно, люди и повыше меня – но не в этом городе...

Я помолчал, приводя в порядок мысли. Голова все еще болела...

– Сэр, вы знаете, что я – русский.

– Знаю... – усмехнулся полковник, – большой тайны это не представляет...

– Я направлен сюда Его Величеством Николаем Третьим, Самодержцем Российским, Шахиншахом Персидским и Царем Польским, с двумя целями. Первая цель – наладить контакты с сопротивлением, с его руководителями и договориться о совместных действиях. Российская империя готова предоставить убежище и помощь тем, кто пожелает эвакуироваться. С этой целью к берегам Североамериканских Соединенных Штатов подойдет усиленная эскадра флота Атлантического океана. В ней три авианосца, в том числе флагман флота. Российская империя готова также предоставить убежище для законного правительства САСШ в изгнании.

Полковник устало посмотрел на меня.

– Для чего вам это? Наши карты биты. Они... – он обвел рукой штаб, работающих людей, – еще не понимают этого, и я им не говорю об этом. Мы бьемся за каждый дом, за каждую улицу и не заглядываем вперед, наша цель – отстоять то место, где мы залегли, не пустить туда этих. Но если так подумать – долго мы не продержимся. Больше половины армии – кто разбежался, кто на их стороне. Британцы же едины. Так что... спета наша песенка...

А вот это вряд ли... Особенно если принять во внимание лежащую на дне примерно в сорока морских милях от побережья ударную подлодку, в чреве которой ждут своего часа большие двухсот крылатых ракет, в том числе десять – со специальной головной частью. Реализовался в жизнь один из самых страшных сценариев начала войны для североамериканцев – подкравшись на минимальное расстояние к побережью, ракетная подлодка дает массированный залп крылатыми ракетами, выбивая ключевые узлы обороны противника и расчищая дорогу для уже стартующих ракет второй и третьей волны. Теперь эта лодка лежала у берега, и план нанесения удара был – вот только знать об этом пока лишним людям не следует...

– Когда-то давно император Франции Наполеон Бонапарт захватил Москву. Но мы все равно не сдались, мы разбили его и изгнали со своей земли.

– Вот и мы когда-нибудь разобьем кузенов и изгоним их со своей земли...

– Это может произойти быстрее, чем вы думаете, сэр... – сказал я.

Полковник молча ждал продолжения.

– На подходящей к берегу русской эскадре больше двухсот палубных штурмовиков и бомбардировщиков. Точно такая же эскадра подходит к вашим берегам со стороны Тихого океана. И стратегические бомбардировщики, способные стереть в пыль Лондон, тоже никуда не делись. Но нам кое-что мешает пустить это все в дело. Некое препятствие.

– Убрать его должны вы?

Я кивнул.

– Именно. Нам нужны заложники. Мы не знаем их точное местонахождение. Нам предъявили ультиматум, и мы не можем активно действовать. Мы объявили о невмешательстве, чтобы выиграть время, правду знают всего несколько человек на Земле. Мы не знаем, где их держат, но я должен узнать это и освободить их. После того как нам удастся освободить заложников и переправить их на русский авианосец или подводную лодку, Российская Империя объявляет войну Британской империи на суше, на воде и в воздухе. Неограниченная и тотальная война до победы. Пока русский флаг не взовется над Лондоном, пока русские солдаты не ворвутся в Тауэр или то, что от него останется, – мы не отступим. Это уже решено.

Полковник догадался, на что я намекаю, почти сразу. Догадаться было нетрудно – каждый, кто читал газеты и смотрел телевизор, мог догадаться...

– Черт... Вы их не вывезли.

– Не вывезли, сэр...

– Они что, и ребенка взяли?

– И ребенка тоже, – подтвердил я.

Полковник покачал головой.

– Какими же подонками надо быть...

– В геополитике нет понятия «подонки», сэр. Это рычаг воздействия на нас. Нам дали гарантии того, что они в безопасном месте. После того как все закончится, нам обещали их вернуть. Скорее всего вернут. Но тогда уже все закончится. Нас это не устраивает...

Полковник посмотрел на потухшую в пальцах сигару.

– Надо все же оставаться людьми... Я слышал, что ваш нынешний император служил в десантных частях.

– Совершенно верно, сэр.

– Это хорошо...

– С нами нельзя разговаривать языком ультиматумов. Россия никогда и ни перед кем не встанет на колени...

Левее, у входа, появились люди, грязные как черти, они весело отряхивались, о чем-то переговаривались, приводили в порядок свое оружие. Больше всего они были похожи на рудокопов – или чертей, поднявшихся из ада. У всех, кстати, тоже SCAR, оружие, которое используют только морпехи и спецназ.

– Что это?

– Пробиваем путь эвакуации. Мы решили уходить в тоннели метро, как только здесь все закончим. Я послал группу проверить маршрут. Обидно будет, если британцам удастся захлопнуть здешнюю мышеловку.

– Они еще не затоплены?!

– Нет, сэр...

Гнусавый, типично британский выговор бритвой резанул по нервам...

– Черт, это же...

Полковник рассмеялся.

– Спокойно, это наш человек. Я тоже раньше нервничал. С некоторых пор британский акцент у многих вызывает раздражение...

– Кто он?

– Британец из гражданских. Но подготовленный, лучше многих моих ребят работает. Да спокойно, G2¹ его проверила. Он своих соотечественников больше нашего недолюбливает. И здесь в стране уже давно...

Что-то в одном из отряхивающихся от грязи бойцов показалось мне знакомым, какое-то неумовимое ощущение, что я его где-то видел...

– Прошу извинить, сэр...

Незаметно перещелкнув предохранитель на винтовке в боевое положение, я направился к «рудокопам».

– Джентльмены...

Один из «рудокопов» недоуменно взглянул на меня.

– Черт... Кросс?

¹ G2 – военная разведка.

Черный прорезиненный костюм, измазанное грязью лицо, прядь светлых волос, выбившихся из-под черной вязаной шапочки. Знакомые глаза – человека этого я не видел больше десяти лет.

– Грей?

Как это все начиналось? Сложно сказать, откуда все это пошло. Не с Бразилии и не с Мексики, это точно. Наверное, это пошло еще с глубины веков, с тех самых времен, когда Великобритания завоевывала господство над миром, используя для этого совсем не джентльменские методы. Великобритания с военной точки зрения была одновременно и уязвима, и неуязвима. Уязвимость ее заключалась в том, что, будучи островом, и островом небольших размеров, Великобритания критически зависела от системы морских коммуникаций. Победить ее было просто – прервав торговлю и блокировав остров с моря. В этом же заключалась ее неуязвимость – она не имела сухопутных границ ни с одним государством, поэтому армию она могла держать небольшую, в основном колониальную, а все силы направить на развитие и укрепление флота. Флот же должен был не допустить морского десанта в метрополию. Однако этого для господства было мало – и британцы первыми в мире овладели искусством «войны без войны», войны диверсий, террора, провокаций.

Революция... Новое средство войны – Британия первая переболела революционной лихорадкой, залила кровью царственных особ площади, впала в безумие гражданской войны. Но переболела, монарх вновь вззошел на трон, хоть и не с такими правами, как прежде. Переболев, британцы приобрели иммунитет к заразе – и одновременно стали щедро рассыпать революцию по земле подобно чумным вшам, сокрушая врагов своих. Первой пала монархическая Франция...

Двадцатый век привнес в военное искусство новое понятие – стратегический тупик. Война как средство решения территориальных и прочих претензий стала невозможной по причине появления у ведущих мировых держав нового, чудовищного по своей разрушительной силе оружия – ядерного. Любая серьезная война между мировыми державами грозила закончиться ядерным кошмаром взаимоуничтожения, столицы империй были под постоянным прицелом, и люди, принимающие решения, знали об этом. Но стратегический тупик не снял стоящие геополитические проблемы – наоборот, не решаемые десятилетиями, они копились и углублялись. Лишенная части своих колоний, Великобритания не могла смириться с этим. Оставшиеся у нее колонии эксплуатировались варварски – но в них не было главного. Не было черной крови – нефти, истинной крови империй. Основные же месторождения нефти были у Российской империи, стратегического и извечного противника Великобритании. Торговать нефтью задешево Россия не хотела. Не хотела она и расторгать вассальные договоры, которыми она опутала половину Ближнего Востока, вторая же половина и вовсе входила в ее состав. Нерешаемая проблема была как вулкан с заткнутой пробкой, изредка прорывающийся выбросами лавы. Бейрут, Багдад, Тегеран – список можно продолжать.

Новый император, Николай Третий, не оправдал надежды тех, кто считал, что по восшествии на престол он станет проводить более мягкую политику, учитывающую не только российские интересы, но и интересы других геополитических игроков. Политика Российской империи стала ощутимо жестче. Строились и спускались на воду новые корабли, реформировалась и снабжалась новыми видами вооружения армия, особенно усиливались части морского и воздушного десанта, части вторжения, что не могло не настораживать. Решенная проблема с Тегераном и Варшавой (Николай Третий, помимо титула Императора Российского, получил титулы Царя Польского и Шахиншаха Персидского, впервые в новейшей истории) значительно усилила геополитические позиции России и подтвердила самые худшие опасения скептиков. «Поднятый единожды, русский флаг не может быть спущен», – такими были слова Николая Третьего на коронации. Началась игра там, где Россия ее никогда не вела. Североамериканские

Соединенные Штаты, исконная британская площадка для манипуляций, стали новой ареной битвы. Императрица, американка по происхождению, и наследник престола, бойко поздравляющий североамериканцев по Интернету с днем Благодарения, посещающий школу при посольстве САСШ в Санкт-Петербурге, стали новым оружием этой тайной войны. Британия такому оружию пока ничего противопоставить не могла.

Но и Великобритания, родина всех геополитических интриг последнего времени, не сидела сложа руки. Ее аналитики и полководцы нашли выход из стратегического тупика. Он был описан в книге британского полководца, фельдмаршала Говарда Лотиана «Конец эпохи ядерного сдерживания». Если страна находится в состоянии гражданской войны, если армия дезорганизована, а руководство страны убито – никто не сможет нажать ядерную кнопку, а вторжение в охваченную беспорядками страну можно оправдать мерами по наведению порядка.

Попытки применить теорию на практике на окраинах России успехом не увенчались. Бейрут, Казань, Тегеран, Багдад, Варшава – везде власть отреагировала на беспорядки максимально жестко и подавила их с использованием военной силы. Британии стало понятно, что революция в Российской империи – дело как минимум десятилетий. Россия была слишком богата и слишком самодостаточна, чтобы попытаться дестабилизировать ее. Что говорить, если Русская православная церковь открыто объявляет западных лидеров одержимыми дьяволом – и прихожане в это верят, хотя на дворе двадцать первый век. Несмотря на поражения, работа против России не была свернута, она продолжалась, только временн@ы@е рамки были отодвинуты далеко в будущее.

Но проблема оставалась. Великобритании срочно нужны были ресурсы, нефтяные и прочие. Великобритания уже чувствовала на своей шее смертельную удавку времени, аналитики в открытую говорили о предстоящем развале Британской империи. Правящие круги допустить этого не могли.

И тогда мысли британских властителей – тайных, не тех, что разглагольствуют в Палате общин, устремились через океан. Взор упал на свою бывшую колонию, ставшую одной из самых развитых и сильных стран мира. И самых уязвимых. Протяженная, никак не прикрытая граница с Канадой на севере, изматывающий, надоевший всем конфликт на юге, на мексиканской границе. Либеральная политика в отношении эмиграции – в результате чего в стране скопилось большое количество «беженцев» из России и Римской империи, чистотой помыслов не отличавшихся. Либеральная политика в отношении прав и свобод – страну заплотнили национальные, этнические, сексуальные меньшинства, все они требовали себе особых прав и привилегий и не хотели понимать, что любым дополнительным правам должны соответствовать дополнительные обязанности. Обычный белый мужчина-гетеросексуал, честно работающий, служащий в армии, оказался в итоге самым бесправным. Обширный, изъеденный коррупцией под флером лоббизма государственный аппарат. Несколько политических группировок, борющихся за власть, вываливающих наружу грязное белье, что приводило избирателей в апатию, уныние и нежелание любой политики вообще. Некоторые политические группировки готовы были в своем стремлении прорваться к власти либо удержать ее пойти на прямую государственную измену. Североамериканские Соединенные Штаты были гораздо более неустойчивы и уязвимы, чем Российская империя – именно в силу своего социального либерализма и модернизма.

И при всем при этом – развитая экономика, сильная и боеспособная армия, мощный флот с десятью авианосными группировками и едва ли не половина земного шара в зоне влияния. Центральная и Латинская Америка доктриной Монро были объявлены зоной североамериканских интересов, и на эту сферу до настоящего времени никто не посягал. Лакомый кусок – при возврате Североамериканских Соединенных Штатов в состав Британского содружества образовывалось, безусловно, самое мощное государство на всем земном шаре.

В двухтысячном году, как это и положено по североамериканской конституции, состоялись очередные выборы. К власти, избранный волей меньшинства, пришел некий Джон Томас Уокер Меллон. Сын последнего президента-республиканца, проигравшего выборы на волне народного гнева после позорной бейрутской авантюры, «излечившийся» от алкоголизма, судя по его словам, он напрямую «беседовал с Богом» и реализовывал явившиеся ему посредством этих бесед божественные откровения. В Белом доме отчетливо запахло временами Рональда Фолсома, президента-актера, объявившего Российскую империю империей зла и начавшего крестовый поход против нее. Вокруг Фолсома в свое время группировались явные религиозные экстремисты из «морального большинства», психопаты, доходящие в своем безумии до того, что открыто возносили мольбы Господу о скором начале ядерной войны. Evil-doers, злодеи – одно из любимых выражений нового президента, корни его как раз были там, в «империи зла», в восьмидесятых.

10 сентября 2001 года в Североамериканских Соединенных Штатах произошел невиданный доселе террористический акт. Несколько угнанных самолетов протаранили башни Всемирного торгового центра на Манхэттене и здание Пентагона. Один из самолетов упал в безлюдной местности в Коннектикуте.

Почти сразу же нашлись и evil-doers, которые это сделали. Удивительно, но на развалинах Всемирного торгового центра был найден совершенно целый, даже не обгоревший паспорт одного из угонщиков самолетов. Им оказался двадцатипятилетний мексиканец, состоявший в одной из троцкистско-анархистских террористических организаций, проповедующей террористическую войну на уничтожение государственности как таковой. Выходцами из Латинской Америки оказались и другие угонщики.

В результате в мировой геополитике появилось новое определение – «ось зла». В «оси зла» оказалась Российская империя как родина духовных вдохновителей анархизма Троцкого (Бронштейна) и Бакунина, Мексика, в которой никак не затухал спонсируемый наркомафией конфликт, и вся Латинская Америка, сильно пропитанная идеалами левачества. Попытки русских дипломатов объяснить вошедшему в раж президенту, что Россия в свое время сама сильно пострадала от Троцкого, Ленина, народников и иже с ними, что от рук боевиков-анархистов погиб государь Александр Второй и другие достойные люди, успехом не увенчались. Evil-doers – и все тут.

Последовали и действия. Первым, почти инстинктивным действием было резкое увеличение военного присутствия в Мексике и иных странах Центральной Америки. Если раньше в Мексике стоял контингент стабилизации, то теперь речь шла уже об открытой оккупации с целью наведения порядка. Страну оккупировали, из боссов наркомафии поймали только мелкую сошку, часть мексиканской армии разбежалась, часть перешла на сторону мятежников. Конфликт не только не угас, но и вспыхнул с новой силой. Стало понятно, что конфликт этот солидно подпитывается извне. Кем? Русскими, кем же еще... Evil-doers на марше...

Но этот шаг нового президента еще как-то можно было объяснить. А вот последовавшее в две тысячи третьем году масштабное вторжение объяснить было нельзя ничем...

Бразилия...

Крупнейшая страна Латинской Америки, занимающая чуть ли не половину Южноамериканского континента. Бывшая колония Португалии и нынешняя полицейская диктатура. Государство двух половин, где одна половина живет вполне сносно, вторая же – в ужасной нищете, в так называемых фавелах, в жилищах из картона и жести, в переоборудованных под жилье контейнерах – русский крестьянин такое жилье сочтет негодным для своей скотины. Более богатая половина жила в современных, многоэтажных городах, окруженных кольцом фавел.

Веселый и не сильно заботящийся о своем будущем народ. В этом смысле – полная противоположность рачительным и деловитым русским. В холодной России если вовремя не позаботиться о теплом жилище и запасах на зиму – до весны просто не доживешь. В беспечной

Бразилии не нужен ни теплый дом, ни электричество, ни запасы на зиму – земля дает урожай круглый год, хоть и скудный. В фавелах многие не работали вообще, что для христианской, старообрядческой России просто дико. На Руси кто не работал, тот считался каким-то порченным.

В политике – классический латиноамериканский тупик. Крайне правое правительство, держащееся на полицейских и армейских штыках при сильно сочувствующем левым населении. Мощные движения городского сопротивления – так называемая герилья. Целые неконтролируемые районы в сельской местности, особенно в джунглях и дельтах рек – там выращивали наркотики и этим жили. Там же действовали многочисленные банды левого толка.

Президентом страны на момент вторжения был генерал Рожелио Варгас. Генерал полиции, выходец из специальных сил, пришедший к власти в результате государственного переворота и публично расстрелявший своего предшественника и весь его кабинет. Как и все его предшественники, он был правым, даже крайне правым – на свою беду, правым настолько, что стал националистом. И вот тут-то его интересы в корне разошлись с североамериканскими, которым только националистов у власти в Бразилии не хватало.

Зато генерал Варгас нашел общий язык кое с кем другим. Мануэль Альварадо, крупнейший наркомафиози мира, грезящий о создании Центральноамериканских Соединенных Штатов и прилагающий для этого все усилия, очень даже понимал генерала Варгаса и оказывал ему существенную помощь. Час истины настал, когда на шельфе Бразилии нашли богатейшие запасы нефти и газа, обещавшие сделать побережье Бразилии едва ли не вторым Персидским заливом. Ставки в игре многократно выросли – но никто из игроков, ввязываясь в эту пахнущую нефтью, кровью, порохом игру, не мог даже предполагать, каковы истинные ставки в этой геополитической головоломке...

16 августа 2004 года
Устье Амазонки, Каналь до Норте
Оперативный район «Коронадо», плавбаза «Бенева»
Машинист первого класса ВМФ САСШ Райан Патон
Двадцать первая группа СПн ВМФ САСШ

Пахло жратвой. Нет, и в самом деле, можно было поклясться чем угодно – пахло жратвой. Нет, не той жратвой, которой приходится питаться на выходах – сырой рыбой, змеиным мясом, еще какими-то подстреленными зверюшками – а самой настоящей североамериканской жратвой. Такой жратвой, от которой не выворачивает наизнанку. Пахло мясом. Большим, сочным мясным бифштексом, таким сочным, что, когда его режешь, из-под ножа брызгает сок. Такой вот бифштекс он ел больше месяца назад, в Аргентине. Тогда они выбрались – верней, их отправили на отдых в Аргентину, они зашли в маленький ресторанчик в Буэнос-Айресе... Таких ресторанов было там много, но хозяин этого вывесил у входа звездно-полосатый флаг. Возможно, как раз для того, чтобы привлекать внимание таких, как они, солдат, получивших две недели отпуска, чтобы окончательно не свихнуться от войны. Они зашли в ресторан, и хозяин принес им каждому по стейку, свежему, только что сготовленному стейку. Каждый стейк был размером примерно с две сложенные вместе ладони и подавался на плоской деревянной тарелке. Табаско, к сожалению, в ресторане не было – но он тут и не требовался. Они переглянулись между собой и накинулись на горячее мясо, как волки. Они даже не знали, что в Аргентине так хорошо умеют готовить мясо – да и где им это было узнать. Они тогда получили две недели отпуска после почти месячной погони за призраками в проклятой дельте, безжалостной к любому чужаку. И эти две недели рая они использовали на полную катушку...

Теперь о стейке можно было лишь мечтать...

А можно – оторвать вдрызг уставшую задницу от подвесной койки-гамака, подвешенного где-то между переборками, пойти на камбуз и кинуть что-нибудь на зуб. А потом идти досыпать...

Это была «Леди Би», легенда среди боевых пловцов и всех, кто имел отношение к спецназу ВМФ, королева побережья. Бывшее флотское судно поддержки дедвейтом тридцать тысяч, ныне уже несколько лет как бросившее якорь в самом устье Амазонки, проклятой Амазонки, зеленого ада. Каналь до Норте, северный канал, стал ее портом приписки, и она не меняла его вот уже три с лишним года, находясь примерно километром мористее, в акватории Атлантического океана. За это время она превратилась непонятно во что – этакий обтянутый маскировочной сеткой, ошетилившийся противокумулятивными решетками, обросший, как ракушками, самодельными причалами, чуть ли не полностью перекрывающими канал, остров. База снабжения, ремонтная база, место базирования боевых пловцов, отрядов Naval Special Warfare Rigid Inflatable Boat (NSW RIB) и Special Operations Craft Riverine (SOCR). Здесь же частенько швартовались пибберы – небольшие, похожие на буксиры вооруженные суденышки, которые базировались выше по течению, на базе в Порто де Моз. На «Леди Би» всегда можно было отдохнуть, поесть по-человечески, пополнить запас патронов и гранат, оставить на попечение местных эскулапов своих раненых. И снова в бой, в зеленый ад, где смерть караулит тебя на каждом шагу, где топь может засосать человека в секунду, где бесследно пропадают лучшие бойцы спецназа ВМФ, где под кронами гигантских деревьев сумрачно даже днем. Ты уходил в бой – а «Леди Би» оставалась и ждала тебя обратно.

«Леди Би» была для всех этих неразговорчивых, крепких молодых людей домом...

Машинист первого класса Патон одним движением, еще не открывая глаз, выскользнул из гамака, по памяти сунул руку в то место, где он оставил свое оружие, подхватил его за ремень. Автомат Калашникова в САСШ не был принят на вооружение, здесь полагался по штату автомат «кольт М4А2» с подствольником и пистолет-пулемет «кольт-45» с интегрированным глушителем. Но большинство из тех, для кого «Леди Би» была домом, хранили свое штатное оружие в местной оружейке, а в джунгли ходили с русским автоматом. Покупали или за свои деньги дома, или приносили трофейные и в мастерской на «Леди Би» их переставляли под штатный североамериканский патрон. В зеленом аду, где жизнь и смерть порой разделяет нить толщиной с паутину паука, автомат Калашникова был единственным, который верно служил боевым пловцам, не захлебываясь в воде и болотной грязи. Рисковать отказом оружия в бою никто не хотел. Здесь и так было предостаточно возможностей для риска.

Закинув автомат на плечо – здесь все постоянно ходили с оружием, – машинист первого класса Патон направился в сторону камбуза. Камбуз располагался в носу, на второй палубе, почему – непонятно, обычно камбуз находится как раз в корме. Чтобы попасть на камбуз – а Патон занял свободную койку в самой корме корабля, чтобы не беспокоили хождениями, – ему надо было пройти через целую вереницу кают, наскоро отгороженных углов, где спали, писали письма домой, что-то читали, резались в карты и просто смотрели в потолок. На полу было грязно, половина плафонов освещения была разбита, но здесь на это не обращали внимания, не до того было. Это тебе не океанский корабль, где у матросни только и дел, что каждый день палубу драить. Это «Леди Би», парень, здесь совсем другой мир. Чистилище перед воротами ада...

– Эй, Рэ, как сходили? – спросил кто-то, лежащий в таком же гамаке.

– Хреново. Впустую сходили... – ответил Патон (Рэ почему-то было его прозвищем, прозвища здесь были у всех) и начал протискиваться дальше.

Сходили и в самом деле хреново. Их забросили неделю назад с вертолета – и они целую неделю шли к какой-то точке, вскрытой спутниковой разведкой. Шла речь о том, что в этой точке находится перевалочный лагерь оружия и снаряжения, его надо было взорвать, да еще и языка желательно было бы взять. Амазонка – крупнейшая река мира, в ее дельте, поросшей тропическими лесами, может спрятаться целая проклятая армия. Она и пряталась – местные индейцы, языка которых никто не знал, боевики-анархисты, боевики-наркомафиози, контрабандисты, золотодобытчики, еще какие-то подозрительные личности, – да кого тут только не было. Леса предоставляли убежище всем – деревья-великаны намертво скрывали, что под ними находится, не помогала ни спутниковая, ни авиаразведка. Ходили недобрые слухи, что в сезон дождей, когда Амазонка разливается так, что с одного берега не видно другой, по реке проходят малые подводные лодки, доставляя в верховья оружие, снаряжение, подкрепления. Чьи подлодки? Да русские, конечно, чьи же еще. Это русские помогают проклятым анархистам, это из России все пошло. Бакунин, проклятый Троцкий – самые что ни на есть русские, русские выбросили в мир эту заразу, как выбрасывают чумных блох. Русские ненавидят североамериканцев, потому что у североамериканцев демократия, а у русских – диктатура и культ личности. Русские хотят захватить весь мир, и ради этого они тайно помогают анархистам. Наконец, у русских достаточно для этого сил, и их ракеты держат под прицелом города. Русские – вот кто всему виной.

Но автоматы у них без вопросов – хорошие.

Вот они и шли – по джунглям, по топи, выходя на указанную точку. Два раза они натолкнулись на какие-то непонятные отряды – в последнем случае в отряде было человек пятьдесят. Оба раза им удалось заметить их вовремя – и обошлось без боя, правда, в последнем случае пришлось четыре часа пролежать в болоте. А вышли на точку – и оказалось, что все впустую. Какой-то проклятый древний город, непонятно чей, непонятно, кто тут жил и когда – но явно не в этом веке и не в прошлом. Даже не заминировано. И потом четыре дня они отступали

к реке, последние два дня – с боем, им упали на хвост боевики. У самой реки они потеряли Данна. Джозеф Данн, корабельный старшина, шутник из Айовы, ему просто не повезло, и одна из пуль, градом летящих из зарослей, попала ему в руку, а еще одна – в грудь, пробив бронжилет. Когда его вытащили к ведущим шквальный огонь по зеленке катерам, Данн был еще жив, он умер на реке, когда они на полной скорости шли домой. Проклятая река забрала еще одного из них, этому когда-то было положено начало, но они сомневались, что родился тот человек, которому суждено положить этому конец. Река была вечной, она текла к океану до них и будет течь после них. И проклятые джунгли – они тоже вечны, их не сжечь напалмом и не наспиговать свинцом, их слишком много, этих проклятых джунглей...

Поднявшись по узкой лестнице на вторую палубу, Патон пошел мимо закрытых кубриков-клетушек, где квартировали немногочисленные офицеры, стараясь не попадаться никому на глаза...

Камбуз был не таким уж большим, без иллюминаторов, какой-то шутник придумал оформить его под итальянский ресторанчик, но получилось плохо, здесь не достать было соломы, а то, что достали, сразу приказали убрать, потому что солома была пожароопасной. В итоге от итальянского ресторанчика остался только итальянский флаг на стене, еще какой-то придурок поймал океанскую рыбу-меч и решил сделать из нее чучело, но чучело это стало так вонять, что его выбросили в реку, а заодно чуть не выбросили самого чучельника. Вот так вот...

– Эй, парни, где здесь можно разжиться бифштексом?

– Да у нашего шеф-повара были... – крикнул кто-то.

Кока здесь, как и полагается в ресторане, называли шеф-поваром.

Бифштекс и в самом деле был. Никого из своих на камбузе не было, отсыпаются, видимо, и Патон подсел к катерникам. Катерники – совершенно бесшабашные и отмороженные ребята, снующие на небольших бронированных катерах по всей Амазонке и стреляющие, даже когда у них просто плохое настроение. На маленьком катере у них было аж пять пулеметов – два «Минигана», два «М60» и один «М2 Браунинг», это не считая личного оружия. Их единственной защитой от летящих с берега пуль были скорость да шквальный огонь, позволяющий быстро подавить огневые точки на берегу и оторваться от преследования. Катерники были из того самого спецотряда, который и вытащил их с предыдущего задания...

– Лэнс... – поглощая дымящееся, горячее мясо, Патон обратился к старшему катера, невысокому коренастому боцману, – какого хрена здесь происходит?

Боцман оторвался от поглощения порции спагетти, залитых соусом «Табаско» сверх всякой меры.

– Ты о чем?

– Ну я вот подумал... Какого хрена здесь вообще происходит? Они воюют с нами который год. За счет чего это все держится? За счет наркоты? Но почему нельзя наркоту выращивать где-нибудь в другом месте, где нет нас? Где намного тише. Да, мы видели поля – но их, черт возьми, не так уж и много. Какого хрена здесь надо русским?

– Тише! – боцман осмотрелся по сторонам, но камбуз был полупустой и никого из офицерского состава не было, – ты вот что, парень... Если ты начал об этом задумываться – я тебе кое-что расскажу. Но – рот на замок, понял?

– Могила, – Патон прижал палец к губам.

– Так вот. Ты помнишь, как подорвали «Луизу Эм»?

«Луиза Эм» была новейшим артиллерийским крейсером класса «Делавэр», она стояла на траверзе Рио для огневой поддержки операций, ведущихся в этом районе, и была подорвана совершенно неожиданно полтора года назад, в один прекрасный летний день. Вернее, ночь. Взрыв был такой силы, что половину экипажа спасти так и не удалось. После этого случая североамериканский морфлот стал намного осторожнее: потерянный новейший крейсер – это не шутки...

– А это тут при чем?

– Да все при том. У меня на этом крейсере однокашник служил. Он тогда на берег в самоход ушел, девочки, то-се... Ну, и жив остался. И потом мы с ним на берегу встретились, он мне рассказал кое-что такое, что волосы зашевелились.

– Что именно?

– Да то. За пару дней до того, как «Луиза Эм» выдала свой последний в жизни салют, там побывали британцы из Корпуса наблюдателей. Он заметил, как один офицер совал нос совершенно не туда, куда бы следовало. И через два дня после этого «Луиза Эм» – бабах!

Сказанное было настолько неожиданным, что у Патона кусок застрял в горле.

– Ты чего?

– Да того?! Совсем деревянный! Ты сколько раз тут русских видел?! Хотя раз тебе русские здесь попадались?!

– Один раз. Помнишь тот случай на Рио Негро два года назад? Тогда...

– Помню. Трое русских. Скорее всего наемники. И все. Больше ни ты, ни я русских здесь не видели. Да, конечно, они профессионалы – но не настолько же! И мы тоже не ногой сморкаемся. Но ни одного русского. Они даже наблюдателей не прислали сюда, в Мексике есть, а здесь нету. А британцев – полно. Да и римлян – тоже немало. А насчет лодок, заходящих в устье реки, – все это чушь собачья! Тюлени постоянно в воде, датчики движения, это тебе не океан, черт бы все побрал. Вот и думай – почему мы так долго воюем...

– Ты хочешь сказать...

– Ничего я не хочу сказать, – боцман еще раз огляделся, – и тебе болтать лишнее не советую. Просто никогда не поворачивайся к ним спиной. И никому ни в чем не доверяй. Вот и все. Давай доедай свою капибару и пошли на воздух...

– Капибару?!

– Ну да... А ты думал, тут тебя говядиной накормят...

– Сейчас я...

Патон рванулся из-за стола с весьма недобрыми намерениями, но катерники, надсадно хохоча, удержали его.

– Еще один попался... Спокойно, братан, это и в самом деле говядина. С Адамса вертолет был, подвезли нам свежей аргентинской говядины. Говядина, говядина это...

Доев свой стейк, Патон уже хотел досыпать, но понял, что не заснет. Поднялся на верхнюю палубу, подошел к самым леерам. Его сразу же осветили фонариком – но узнали и оставили в покое. Накапывал мелкий, нудный дождь, над океаном стояла, словно пелена, стена водяного тумана, скрывающего берег. Погода была нелетная, многие операции на воде также были свернуты. На смонтированной в носу вертолетной площадке, накрытые брезентом, мокли два вертолета – вооруженный «СиХок» и морпеховская «Си Кобра», еще две вертолетные площадки были свободны. Брезентом накрыты были и две затащенные на палубу и приваренные к ней сухопутные гаубицы М203, восьмидюймовки сухопутных войск, стрелявшие новыми снарядами почти на семьдесят километров. В брезентовых плащах стояли у пулеметов нахохлившиеся часовые. Вокруг ничего не было – только едва покачивающаяся на волне «Леди Би» и стена воды, отделяющая ее от окружающего мира мутная серая занавесь. Вода заливала весь этот проклятый мир, словно хотела поглотить его раз и навсегда, вместе с его ненавистью, злобой, жестокостью...

Был только он. И была «Леди Би».

– Патон! Патон, твою мать!

Патон повернулся:

– Да, сэр!

– Какого хрена ты мокнешь под дождем! Спускайся вниз и спи! Завтра предстоит работа, все должны быть в форме.

– Да, сэр...

Повернувшись, Патон пошел вниз. Досыпать.

К утру дождь прекратился, выглянуло солнце. По левому борту «Леди Би» нетронутой волнами гладью блеснул океан – ветра не было, солнечные зайчики играли на воде. По правому борту тонкой зеленой полоской на горизонте зеленел лес.

Лес ждал их...

Они собрались в каюте, девять человек, три боевые тройки. Так они обычно работали – тройками, а не парами, как было принято у сухопутных крыс. Все – словно мародеры, а не солдаты регулярной армии: нештатное оружие, нештатное снаряжение, вымазанные черной краской лица у тех, у кого цвет кожи не был черным от природы.

Задачу ставил дежурный офицер, главный корабельный старшина Ричард Блейз – ас из асов, раньше он преподавал в Коронадо², а как началась война – попросился сюда. Темная сторона взяла свое – так они часто говорили. Тех, кто прибыл сюда просто по велению долга, здесь уже не было. Ни одно живое существо не могло выдержать то, что здесь происходило, только по велению какого-то эфемерного долга, должно было быть что-то еще.

Задачу главный старшина ставил как всегда предельно кратко:

– Джентльмены, пойдете на калошах³, нам выделяют одну лодку. Патрулируете до Сантаны, там десантируетесь на берег. Остаетесь в порту. В город пойдут двое гражданских, позывные «Белка-один» и «Белка-два», ваша задача – прикрыть их, пока они будут делать свои дела в городе. В город входите только по вызову по рации, если вызова не последует – сидите в порту, пока не дадут отбой. Вроде как патрулирование – а потом отваливаете. Вопросы?

– Форма одежды?

– Обычная. В Сантане есть наши, вы сделаете вид, что приехали немного гульнуть и затариться выпивкой. Но не дай бог кто-то воспримет выпивку серьезно – скорблю кайманам.

Калоша – или лодка RHIB – представляла собой большое, двенадцать метров длиной, плавсредство с усиленными кевларом бортами, постом управления, кустарно защищенным бронестеклами, и двумя пулеметами «М2 Браунинг» со щитами на носу и на корме калоши. Экипаж калоши состоял из трех человек – водитель, которого называли почему-то «лоцман», и два пулеметчика. Кроме того, калоша могла нести восемнадцать бойцов со снаряжением. В движение калошу приводили два мотора по двести сил каждый в специальной комплектации, с винтом для заболоченной местности и усиленным воздушным охлаждением. Моторы тоже были прикрыты бронешитами, потому что при нападении били в первую очередь по ним. Остановил двигатели – и расстреливай влекомую течением лодку как в тире. Такие лодки, вооруженные и невооруженные, были основным средством передвижения североамериканцев по Амазонке.

Выходили с самого утра. Над океаном еще стелился полуночный туман, небо было свинцово-серым, дул ветер – не сильный, но противный, если ты в мокрой форме – пробирающий до костей. А когда идешь по реке на скорости – разбрызгивается вода, и все постепенно промокают...

Как всегда, их было девять человек, три боевые тройки. В тройку Патона помимо него самого входили старшина-электрик Том «Кот» Котлер, беззаботный калифорниец, бывший пляжный спасатель, который пошел в морфлот, чтобы спастись от жены, и чернокожий уро-

² В Коронадо, Калифорния, находится центр подготовки боевых пловцов Тихоокеанского побережья.

³ **Калоши** – так на слэнге называли лодки с резиновыми бортами.

женец Детройта, рулевой первого класса Рик «Пугач» Браун, единственный в группе, который довольствовался штатной М4А2 с подствольником и не желал сменить ее на АК. В отличие от Котлера, Браун сбежал в морфлот от безработицы...

Возглавлял их группу – в основном чисто номинально это выражалось в том, что этому человеку доставалась вся проклятая бумажная работа и лишняя кружка пива от команды после работы – старшина первого класса Дик Роселли, один из немногих итальянцев на «Леди Би». Именно ему принадлежала та идея с итальянским рестораном, и именно его едва не выбросили за борт вслед за воняющим чучелом рыбы. Дик Роселли обладал многими неоспоримыми достоинствами: говорил со скоростью за сто пятьдесят в минуту, мог выпить целую пинту виски и не свалиться под стол в течение всего вечера и таскал помимо автомата «кольт» двенадцатизарядный гранатомет ММ-1 калибра 40 миллиметров, который в джунглях, где невозможно нормально прицелиться, частенько приходился весьма кстати. Сейчас он стоял у самого борта лодки и трепался о чем-то с лоцманом, пока тот проверял моторы.

Патон заметил, что пойдут они сегодня с группой, которую возглавлял Тим Хиггинс. У Хиггинса вообще была очень странная судьба – начинал он пилотом корабельного вертолета, потом, после одного из вылетов в глубь дикой территории вертолет «по техническим причинам» рухнул в реку. Хиггинс дотянул-таки машину до дельты и посадил ее не на джунгли, а на воду, спас и себя, и группу, которую вытаскивал из джунглей. Потом – долгие восемь месяцев госпиталей, негодность к летным операциям, переподготовка – и Хиггинс вернулся на «Леди Би» уже в новом качестве. Странно – но возвращались сюда многие, уходили, когда истекал контракт, – и возвращались. Без войны, без запаха водорослей, без дышащей опасностью зеленой стены берега они уже не могли жить...

– Все готовы? – оторвавшись от моторов, спросил Хиггинс. – Гальян посетили? Лишний груз не повезу, движки и так не тянут.

– Может, скинем ту самую зубастую штуку, что прицеплена к носу лодки, – спросил Браун, тяжело топая по деревянным подмосткам пирса.

На носу лодки Хиггинса красовалась башка здорового каймана с раскрытой пастью. Кайманы, вопреки всем запретам и вопреки Красной книге, были объектом охоты, потому что в самом начале, когда здесь только обустроивались, они сожрали не одного и не двух пловцов. Человек для каймана – легкий и сытный обед, они привыкли нападать на индейцев, и их примитивные ружья, не говоря уж о стрелах и рогатинах, ничего не могли сделать с хищниками, которые были покрыты роговыми пластинами, напоминающими броню. Одним индейским богам известно, сколько индейцев окончили свою жизнь в желудках кайманов. Сначала кайманы попробовали так же вести себя и с североамериканцами – но быстро обнаружили, что носовой пулемет Браунинга типа М2 обладает несколько большей огневой мощностью, чем индейское ружье, а брошенная в воду граната и вовсе не подарок. Теперь оставшиеся в живых кайманы, слышав надсадный вой двигателей скоростных лодок, соскальзывали с берега в воду и не показывали носа, пока пловцы не уходили дальше по течению. А некоторые, кто замешкался, имели все шансы закончить свою жизнь в виде украшения на носу лодки, такого, как у Хиггинса...

– Эй, сейчас я тебя в воду сброшу, ясно? – Хиггинсу шутки насчет украшения надоели, и, когда его задевали, он действовал решительно: еще одно слово насчет моего лучшего друга – и отправишься в путь привязанным к кормовому линю.

– Ясно, ясно...

Безо всяких команд восьмерка выстроилась на чуть покачивающемся под ногами, скользком пирсе. Девятый прошел перед строем, осматривая каждого.

– Все готовы? – тихо спросил Роселли.

Готовы... А что тут готового? Автомат, восемь набитых магазинов к нему, шесть гранат. За спиной – запасное оружие, пистолет-пулемет, четыре магазина к нему на разгрузке

и еще несколько – в Дей-паке. Кое у кого вместо пистолета-пулемета запасным – обрез. У Ника Мэджика основным оружием – тяжеленный пулемет М240, лента на пятьсот патронов засунута в специальный рюкзак с прорезью, лента неразрывная, можно выпустить все хоть одной очередью. Каждый из тюленей, выстроившихся ранним утром на палубе, больше был похож на джентльмена удачи, которые тут тоже встречаются, нежели на военнослужащего ВМФ САСШ. Банданы вместо уставных головных уборов, разукрашенные камуфляжным кремом лица, мачете у каждого, обвешанные оружием. Если бы кто-то взялся рисовать демонов войны, то здесь было бы самое место. Натурщиков много...

А насчет того, готовы ли психологически... Слово-то какое – психологически. Готовы ли вы психологически пойти умирать? Вот весь вопрос, мать его и все это место. Даже Шекспир до такого не додумался, у него всего лишь «быть или не быть».

Двигатель фыркнул и глухо зафырчал, забурлила вода. Для скрытности выхлоп шел под воду. Двое пулеметчиков – носовой и кормовой – заняли отведенные им места на носу и на корме посудыны. Посудины, которая поведет их в неизвестность.

– По машинам!

Перед тем как прыгнуть с пирса на пошатывающуюся на волнах лодку, каждый плюнул на пирс – на удачу. И – чтобы вернуться.

– Занять сектора, доложить!

У каждого на лодке – свой сектор обстрела, в любом направлении лодка готова во время движения огрызнуться шквальным огнем.

– Первый готов!

– Второй готов!

– Третий...

Звук мотора становится чуть громче, уродливая, накрытая маскировочной сетью посудина отправляется в путь. Бурлит двигатель, все больше и больше становится полоса грязно-бурой воды, отделяющая лодку от «Леди Би».

На удачу. И – чтобы вернуться...

Шли довольно быстро.

Джунгли уже проснулись – дикарем орала обезьяны, скачущие с ветки на ветку, в заводях и у берега деловито копошились пекари⁴. Одиноким кайман, услышав мотор идущей вверх по течению лодки, шустро плюхнулся в воду, прежде чем носовой пулеметчик успел развернуть свое грозное оружие в сторону добычи.

Несмотря на раннее утро, река не была пустой. Вся жизнь огромной территории, именуемой «дельта Амазонки», строилась вокруг реки. Кого тут только не было – деревообрабатывающие компании вырубали лес и сплавляли его вниз по течению, индейцы занимались нехитрой охотой или спешили в город по своим делам. Наркомафиози перевозили товар – в основном кокаин. Кока – крайне неприхотливый куст, она любит, когда есть влага и когда нет прямых солнечных лучей. Кусты коки наркомафиози сажают в прореженном молодом ливневом лесу, так, чтобы их не видно было сверху авиаразведчикам и спутникам. Джунгли были столь велики, что без точных координат плантации ее можно было искать годами. Да и не искали особо – хватало проблем и без этого.

Были золотопромышленники – в дельте есть места, где можно намыывать золото, есть целые поселки золотоискателей. Были охотники за редкими животными для зоопарков – зоопарки платили хорошо, находились желающие сунуть голову в капкан. Были просто ученые, настолько свихнутые на своей науке, что были готовы изучать природу в регионе, где ведутся боевые действия. Были миссионеры, старающиеся обратить индейцев в истинную веру.

⁴ Пекари – род свиньи, умеет плавать.

И были воины. Две противоборствующие стороны в этой затянувшейся войне. Боевики-анархисты, у которых в дельте были тайные лагеря, у которых через дельту проходили пути снабжения, которые за деньги охраняли плантации коки для мафии. И были они. Военнослужащие ВМФ САСШ, которые воевали с анархистами, воевали со злом.

Рассвело уже достаточно, последние космы окутывавшего реку ночью тумана постепенно растворялись в воде, и пловцы внимательно наблюдали за зеленой стеной берегов. Здесь Амазонка была шириной больше километра, они шли, прижимаясь к правому берегу, а левого было почти не видно. Четыре автомата и три пулемета отслеживали малейшее движение на берегу, готовые в любой момент огрызнуться шквалом огня. Хиггинс держал обороты движка на половине мощности, а руку – на селекторе тяги, готовый при первых же выстрелах прищипорить коня. Но пока никто не стрелял. Здесь, в устье, было относительно спокойно – ад начинался дальше...

Внезапно машинист Галвестон развернул пулемет – и отбойным молотком прогремела очередь. В ту точку, по которой били пули, немедленно нацелился еще один пулемет.

– Галвестон, доклад!

– Кайман, сэр! Все в норме.

– Черт, Галвестон, предупреждать надо!

Кайман там и впрямь был, не успел укрыться – и теперь всплыл, явив миру бледно-желтое брюхо. Зубы рептилии мелко клацали в агонии.

– Добить, сэр?

– Оставить. Не стрелять. Подохнет и сам.

Из туманной дымки утра, из-за поворота реки появилась самоходная баржа – знакомая им самоходная баржа. Это был бизнес, его вели один капитан-британец и еще несколько парней. Заклучался бизнес в том, что они закупали в городе нехитрое добро, нужное тем, кто жил на реке: жратву в консервах, виски, патроны, кое-какую одежду, загружали этим баржу и поднимались вверх по реке, в обозначенных местах приставали к берегу и торговали этим. В оплату шли деньги любой страны мира, золотой песок, иногда редкие животные. Наверняка и наркота. В самом начале несколько раз баржу обыскивали, потом оставили в покое. Это была теперь одна из местных достопримечательностей.

От беды британский капитан баржу вооружил, и вооружил неплохо. Два пулемета М2, на носу и на корме, и четыре самых разных единых, какие удалось здесь купить, – по два на каждый борт. Капитан стоял не за штурвалом, а почему-то на носу за пулеметом. Увидев североамериканцев, он помахал им рукой, не вынимая изо рта сигары. Кое-кто из североамериканцев ответил тем же...

– Старый пидор... – пробурчал кто-то.

– А ты откуда знаешь?

– А все они такие.

Еще примерно через милю они встревожились, заслышав ровный стук двигателя по левому борту, – но не успел пулеметчик на М2 перебросить свое оружие на нужный галс, как свет прожектора разрезал рваные космы тумана, пригвоздив его к месту...

– Хиггинс! Ты, что ли? – громыхнул раскатисто мегафон, всполохнув досыпающих последние сны в прибрежных зарослях птиц.

– Стоп машина, – недовольным голосом скомандовал лоцман.

Через минуту, выползая из какой-то протоки, к ним подрулил «Пиббер» – верней, «Пиббером» это называлось по старой памяти. Небольшой скоростной катер типа Mark 5, по местной моде – с дополнительным бронированием и увешанный противокумулятивными решетками. От такого усовершенствования катер перестал быть скоростным, зато стал более защищенным и приспособленным для действий на реке. Вооружение – два пулемета М2 и два автоматических гранатомета «Mark 19», только если раньше стрелки открыто стояли на корме,

то теперь каждый был защищен большим щитом со вставками из бронестекла для наблюдения. Ну и досмотровая команда со штатным оружием.

– Принимайте конец! – крикнули с «Пиббера».

Конец приняли – и на лодку прыгнул, так что лодка зашаталась, бородатый, татуированный толстяк в чем-то, что когда-то было военной формой, а теперь было непонятно чем.

– Гурвич, ты меня убить собираешься или как? – насмешливо спросил Хиггинс.

– Не сейчас... – Толстяк протопал к Хиггинсу, крепко пожал ему руку, мельком глянул на боевых пловцов: – Таксистом сегодня работаешь?

– Точно. Таксистом. Что на реке делается?

Толстяк, перед тем как ответить, закурил сигарету.

– Вчера стреляли нехило. Где-то в Акарапейре.

– Анархисты?

– Нет. Мы подросли, когда все уже закончилось. По-моему, кто-то кого-то хотел ограбить.

– Ограбил?

– Непонятно. Лодка вверх брюхом, дырявая, как решето моей бабушки, и четверо жмуриков. И на берегу один, остальных унесли. Одним жмуриком успели пообедать пираньи, второй вообще без документов.

– Русский?

– Возможно. А возможно, и нет.

– Еще чего?

– Ты куда идешь?

– На Сантану.

– Там сегодня Тим патрулирует. Оpozнание – два-один красный. Будь осторожен, у него легкая гашетка.

– Благодарю.

– Да брось...

Пошатывая лодку тяжестью своих шагов, толстяк прошел к борту, легко, очень легко, если учесть его габариты, вспрыгнул на борт своего «Пиббера».

– Руби концы!

Сантана...

Сантана, город-спутник более крупного города Макапа, еще совсем недавно был всего лишь разросшейся рыбацкой и индейской деревней. Там можно было отремонтировать лодку, перекусить и выпить, продать золотой песок и наркоту, найти себе женщину – чаще всего индианку, оторванную от племени. Все изменилось, когда пришли североамериканцы – в Макапе было совсем неспокойно, и в качестве основного опорного пункта в устье Амазонки был избран именно город Сантана. С-таун, как его называли в переговорах. Сейчас, после нескольких лет североамериканского господства, от североамериканцев в этом городе остался только капитально отремонтированный порт с бетонными причалами и бетонными же ДОТаами, защищающими порт от нападения, да целая цепь таких же уродливых, из толстых серых бетонных плит ДОТов, защищающих город от джунглей и тех, кто в них есть. Ах да, еще в городе раза в три увеличилось количество баров с выпивкой. Вот и все, что оставили в этом городке североамериканцы.

Сантана встретила дымом, тяжелым, стелющимся почти у самой воды. Там был какой-то завод, он дымил – но никогда дым не ложился так низко, к самой воде. Дым тяжелый, черный, жирный, лезущий в нос, оседающий на языке каким-то медным привкусом...

– Черт... – Роселли закашлялся, – они что там, крематорий индейский устроили? Мать их так во все места...

– Заткнись! – резко ответил Хиггинс, он нервничал, не хотел прозевать патруль и получить из-за этого порцию пуль калибра 12,7 только из-за того, что у кого-то легкая гашетка или плохое настроение с утра.

– Гидра всем – тишина!

Начинается...

– Гидра для Альфы четырнадцать, выйдите на связь!

Под позывным Гидра в регионе работал штаб на «Леди Би», которому и подчинялись они все. Такая передача означала начало крупных неприятностей.

– Альфа-четырнадцать на связи.

– Гидра – Альфе-четырнадцать, сообщите свои координаты.

– Альфа-четырнадцать – Гидре, находимся на полклика ниже по реке от исходной, продвигаемся вверх.

– Гидра – Альфе-четырнадцать. Приказываю продвинуться на десять кликов выше, прикнуть к группе «Кайман-четыре», точка – зеленый дым, опознание по радио. Дальнейшие инструкции получите у командира группы Кайман-четыре.

– Вас понял, Гидра, прошу степень опасности.

– Гидра – Альфе-четырнадцать. Уровень желтый⁵. При подходе к точке randеву соблюдать радиомолчание.

– Альфа-четырнадцать принял.

– Гидра – Альфе-четырнадцать, удачи. Конец связи...

Лодка, уже забирающая вправо, к порту, резко изменила курс и, рассекая носом грязно-бурую водную гладь, устремилась курсом «вест». В страну больших неприятностей...

– Готовность.

– Одна минута!

– Принял, одна минута! Смотреть по бортам!

Амазонка – река настолько большая, что возможностей для маневра на ней более чем достаточно. Те, кто хочет избежать огня с берега, должен всего лишь идти по центру фарватера, и неприятностей можно будет избежать, ибо в сезон дождей в некоторых местах с правого берега не видно берег левый. Но у них задача была намного сложнее – им надо было подойти вплотную к берегу и десантировать группу боевых пловцов, дабы поддержать еще одну группу, уже находящуюся на берегу. А берег здесь – это безумное переплетение подмытых водой корней, лианы, змеи и крокодилы, любящие отдыхать на берегу, вязкая топь... и засады. Прибрежные заросли просматриваются хорошо если метров на пять...

– Доложить.

– Чисто!

– Лоцман, самый малый!

– Есть самый малый.

Сейчас они уязвимее всего: лодка RHIB – это даже не «Mark5», стандартное скоростное средство боевых пловцов, у которого есть хоть какая-то защита. Лодка уязвима, ее единственная защита – скорость и шквальный огонь. Еще скрытность, поэтому подставляться под пули у берега – не лучшая выдумка командования...

– Внимание! Вижу цветной дым по правому борту, примерно три клика по фронту.

– Лоцман, средний вперед!

Непонятно, почему они тогда решили-таки уточнить обстановку по связи. И это – несмотря на прямой запрет командования. Возможно, сыграло роль старое, вбитое еще в учебном центре в Коронадо правило: прежде чем куда-нибудь сунуть свою задницу – подумай,

⁵ Желтый – означает, что уровень опасности не установлен.

как ты ее потом будешь оттуда эвакуировать. Возможно, сыграл роль наработанный потенциал недоверия. Здесь, на Амазонке, в лесах и болотах не доверяли никому и ничему. Почва могла в любую секунду провалиться под ногами – и черная вязкая трясина ждала тебя. Автомат в любой момент мог отказаться, забитый грязью, – а враг не ждал и никого не щадил. Любой проводник, любой агент мог оказаться предателем и завести в ловушку, даже самый проверенный. Только своим можно было доверять – и то не всем, а только тем, с кем ты уже ходил в поле, и не раз. С группой «Кайман-четыре» они еще не работали, хотя порой слышали про нее. И поэтому надо было кое-что выяснить.

– Альфа-четырнадцать Кайману-четыре, прошу идентификации.

Отозвались почти сразу.

– Кайман-четыре – Альфе-четырнадцать, готов к процедуре.

Что-то было не то...

– Четвертый, вижу твой желтый дым.

– Четырнадцатый, подтверждаю желтый дым.

– Четвертый, прошу статус.

– Четырнадцатый, статус зеленый, Чарли не наблюдаю.

Райан Патон, машинист первого класса, только волей судьбы оказавшийся рядом с рацией, протянул руку и буквально сорвал гарнитуру с головы радиста.

– Семь суток в аду! Быстро!

В наушнике наступила тишина. Оглушительная.

– К бою! Засада!

И зеленая стена зарослей взорвалась огнем...

Шансов у них не было. Совсем. Пристань они к берегу – все. Их просто выбили бы сосредоточенным огнем с нескольких точек и подрывом заряда, брошенного на мелководе. Они не дошли совсем немного, до дымовой шашки оставалось меньше полклика⁶. Но Патон поверил своим дурным предчувствиям и задал абоненту на той стороне вопрос, на который тот ответить не смог. Любой тюлень, прошедший Коронадо, смог бы. Значит – впереди был противник.

Не верь никому и ничему...

– Огонь на поражение!

Команда эта была излишней – перебивая друг друга, с правого борта заговорили два крупнокалиберных пулемета и несколько автоматов морских котиков. Лодка прыгнула вперед, разгоняясь и разрывая дистанцию между ней и берегом, чтобы максимально использовать огонь крупнокалиберных пулеметов. В считанные секунды над узкой полоской воды между берегом и идущей параллельно лодкой разразился настоящий ад.

– Молния! Гидра, это Альфа-четырнадцать, мы под огнем, randevу сорвано, как поняли! Мы под огнем, статус красный, приём!

Отсутствие ответа было самым страшным – представить, что штаб не отозвался, тем более на молнию... это было...

– Молния! Альфа-четырнадцать всем, кто нас слышит! Мы под огнем примерно в десяти кликах вверх по течению от Макапы, правый берег! Мы под огнем, статус красный, просим срочной поддержки, прием!

Отдолбить магазин неприцельными длинными очередями по плюющейся свинцом зеленке – вот все, что успел сделать Патон. Увидел, как яркий светлячок реактивной гранаты, оставляя за собой белую полосу дыма, летит прямо к ним. Показалось, что все. Но лодка уже

⁶ Полклика – полкилометра. Один клик – один километр.

разгонялась, мотор был на предельных оборотах – и светлячок миновал лодку в нескольких футах за ее кормой...

Лоцман лодки предпринял опаснейший маневр – он развернул лодку на девяносто градусов, поставив ее кормой к плюющему свинцом берегу. Тем самым он рискнул моторами – но зато уменьшил проекцию цели для стрелков с берега и предоставил максимальный сектор обстрела для кормового пулемета. Чем и воспользовался стрелок на кормовом «Браунинге» – каждый его выстрел отдавался толчком под ложечку, вся лодка вздрагивала от каждого выстрела...

Переkreсцивающиеся над водной гладью нити трассеров, какие-то баржи на фарватере и панически мечущиеся по палубе буксира моряки, ведущие баржи в какой-то порт. Можно было бы спрятаться за баржи, переждать атаку, дожидаться подхода подкреплений – но Хиггинс был не из тех, кто бежит от драки. И они, морские котики из Коронадо, тоже были не из таких. Элегантно развернув лодку на пятачке – так, что кормой задело проржавевшую сталь борта баржи, лоцман бросил ее во фронтальную атаку под направлением девяносто градусов к берегу, теперь открыв сектор обстрела для стрелка носового пулемета. Кормовой, израсходовав патроны, перезаряжался...

Наверное, это и в самом деле страшно, когда лодка словно идет на таран берега, по пулеметному щиту щелкают пули, и ты стреляешь, мечешь стальные молнии как бог-громовержец, думая только об одном – убить, пока не убили тебя. Только бы не заглох пулемет, только бы хватило патронов, только бы с той стороны не оказалось виртуоза-гранатометчика, некоторые из которых могут сбить выстрелом вертолет...

Метрах в пятидесяти от берега Хиггинс элегантно развернул лодку – и в этот момент столб воды поднялся всего в паре десятков метров от левого борта, вода вспучилась в безумии взрыва, словно желая наказать тех, кто посягнул на великую реку. Но это были не боги реки, которым молились индейцы, это был брошенный в реку подрывной заряд...

Волна шатнула лодку так, что пулеметчики вынуждены были схватиться за свое оружие, – но Хиггинс управление не потерял. Работая штурвалом, он выводил лодку на новый заход.

– Альфа-четырнадцать, здесь Анаконда, уходи от берега. Будем работать!

Скоростной катер огневой поддержки появился как раз вовремя, Гурвич вел его на близкой к предельной скорости, притирая к берегу. Уродливое, как раздувшийся труп пекари, остетинившееся стволами корыто шло на штурмовку...

– Сейчас будет жарко... – воспользовавшись передышкой, Хиггинс сделал разворот и пошел параллельно берегу в готовности прикрыть огнем катер, если каким-то чудом его сумеют остановить...

С катера забухтел, закашлялся гранатомет – и черные столбы разрывов на берегу всположили зелень листвы, уже основательно подрубленную до этого пулями. Гранатомету вторил крупнокалиберный и спарка обычных пулеметов из рубки, установленная уже кустарно...

Возможно, кого-то они и подловили. Но скорее всего – нет. Повстанцы не ввязывались в длительные бои, они знали, что североамериканцы превосходят их во всем, что такой катер можно потопить разве что морской миной или диверсионным зарядом, который они уже взорвали. И поэтому второй проход катера – газонокосилки, как мрачно шутили некоторые местные, – уже не потребовался...

Закончив, Гурвич лег на другой галс и на средней скорости направился в их сторону.

– Псих... – прокомментировал чуть успокоившийся лоцман.

Катер сбросил ход, чуть повернул, чтобы притереться бортом...

– Принимайте конец!

В опале 11 мая 2012 года САСШ, севернее Нью-Йорка

Осада...

На общественной дороге, у съезда на подъездную дорожку к поместью стояли фургоны с антеннами и яркими логотипами известных телекомпаний – британских, американских, австрийских. Стоило только моему «Майбаху» притормозить перед съездом, как репортеры нацелили на машину свои хищные орудия труда. «Пентакс», «Минолта»... объективы, больше похожие на телеобъективы снайперских прицелов, даже больше по размеру. Не упустить ничего, донести новость... еще один «Майбах», гражданские номера... наверное, не пройдет и пяти минут, как эти номера будут пробиты по базе данных и об этой машине узнают все – когда выпущена, кому принадлежала, кто последний владелец. Ну-ну... машина принадлежала известной инвестиционной корпорации, с головным офисом в Багдаде... пусть ищут, если хотят. Нет... я не от злости, просто надоело. Не могу понять, как можно жить в доме, постоянно находящемся в осаде таких вот хищных насекомых. Впрочем – это не мое дело...

Инциденты уже были и могли быть, поэтому с этой стороны забора, окружающего поместье, стояли и машины правоохранительных органов – машины департамента местного шерифа, машина полиции штата... а вон, кажется, тот черный «Шеви Субурбан»... это машина Секретной службы САСШ, судя по широким подножкам и большому люку в крыше. По-моему, правительство САСШ и само было не радо, что все так получилось, но раз уж получилось...

Я притормозил у ворот. Тут стояли специалисты из частных служб безопасности, специально нанятые для охраны Императрицы. Выглядели они – как полицейские из специальных подразделений. Опустил стекло – и снова вспышки, близко не подходили, видимо, наученные опытом, но не запечатлеть, кто приехал проводить Ее Величество, они не могли.

– Вице-адмирал флота Его Императорского Величества Воронцов, извольте проверить, – я протянул специалисту по безопасности свой паспорт.

Специалист по безопасности, который знал меня хотя бы потому, что я и подбирал охрану поместья, глянул на паспорт, на меня – видимо, черные орлы на погонах моей парадной формы внушили уважение, он не стал ни просить выйти из машины, ни открыть багажник (что я непременно попросил бы сделать, будь на его месте). Козырнул, вернул паспорт.

– Стоянка...

– Я знаю.

– Сэр!

– Несите службу.

Дорога – довольно широкая для поместья, здесь не то что две, здесь и четыре машины могли разъехаться – петляла по парку, засаженному столетними деревьями... в основном серебристые американские ели, такие же, каких много вокруг Вашингтона и некоторых других мест. Аккуратно подстриженные газоны, прудики с черной, стоячей водой, искусно инсталлированные в окружающий мир беседки...

Машин на подъездной дорожке было немного, выделялся своей имперской, величественной статью «Руссо-Балт» с маленькой копией имперского штандарта на крыле, но, судя по тому, что он был заставлен другими машинами, его долго не использовали на выезд и использовать не собирались. Зато, готовый к выезду, стоял черный «Шевроле Корвет»... дьявольская машина, настоящая бомба, двести миль в час набирает.

– Дядя Саша! – раздалось со спины, когда я запираю машину.

Я обернулся – как раз для того, чтобы схватить бегущего ко мне наследника Русского императорского престола.

– Большой-то какой...

– Дядя Саша приехал...

Бонна-француженка, которую по традиции приставили к наследнику (я бы уже не приставлял, вон какой богатырь вырос!), подбежала, запыхавшись, – за быстроногим пацаном она явно не успевала.

– Ваше Высочество, нельзя называть взрослых просто по имени... – наставительно сказала она.

– Миль пardon, мадам... – с уморительным прононсом отозвался наследник, которого я поставил на землю, – добрый день, Ваше Высокоблагородие. Мы поедем в Россию?

С большим трудом мне удалось сохранить бесстрастное выражение лица...

– Полагаю, что об этом нужно поговорить с мамой...

– Тогда пусть приедет Ник. Хоть ненадолго... пожалуйста. Мне здесь совсем не с кем играть, дядя Саша...

– Нельзя приставать к взрослым, Ваше Высочество... – пытаюсь помочь мне, сказано бонна.

Я присел на корточки перед наследником... если честно, было мне в тот момент так хреново, как давно уже не было. Натворили дел. И то, что я принял в этом самое непосредственное участие, гнетет меня еще больше. Придурок... как я додумался только организовать ту поездку. Как только ума хватило... баран тупорогий.

Хотя... кадару-Ллахи ва ма ша а фа аля⁷. Некоторое время в должности наместника Его Императорского Величества в Персии дало мне многое в понимании Востока... и еще одну контузию в придачу. Если бы я не организовал, случилось бы что-то другое. И какая теперь разница рассуждать... что Аллах пожелал – то и произошло.

– Черт... Как же я забыл-то... Подожди.

С заговорщическим видом я открыл багажник «Майбаха», достал оттуда большую коробку. Старую... можно было бы купить, но что такое купленное!

– Держи.

– Ух ты... Что это?

– Это такая игра. Хорошая игра, я сам в нее играл. Набор карт и кораблей, карты – про все крупные морские сражения, какие только были, про самые известные морские сражения. Морской бой называется. Я в нее в детстве играл – и вот видишь, стал адмиралом.

– Здорово.

– Что надо сказать? – строго спросила бонна.

– Мерси, мсье... – со зверским выражением лица заявил Цесаревич.

Судя по тому, как застыла в стойке бонна, за спиной кто-то был...

Обернувшись, я увидел Ее Величество, на ней были старые джинсы, синий халат и резиновые перчатки, перепачканные землей. Понятно... возилась в цветнике.

– Ваше Величество...

– Не нужно, Александр, – Их Императорское Величество спрятала руки за спину, не давая мне выполнить положенный придворным этикетом церемониал, – у меня... грязные руки.

– Мама! А дядя Саша мне подарок привез! Вот! – Цесаревич смело шагнул вперед, предъявил коробку.

– А ты сказал спасибо?

– Да сказал, сказал! А еще дядя Саша сказал, что мы скоро поедем в Россию!

⁷ Это предопределено Аллахом, и он сделал, что пожелал.

– Как вам не стыдно врать, Ваше Высочество! – взвилась бонна, – а ну-ка пойдемте! Сейчас я вам устрою за ложь!

– А я все равно поеду! – выкрикнул наследник, увлекаемый бонной в дом. – Убегу и поеду, вот увидите!

Императрица старалась не смотреть на меня... а я на нее.

– Вы от него, Александр? – наконец спросила она.

– Ваше Императорское Величество, вам должно быть известно, что с определенного времени я нахожусь не только в отставке, но и в опале. Если бы Его Величество пожелал отправить Вам послание – на роль гонца он подобрал бы кого-либо другого. Я не был приглашен ко двору в течение последних нескольких лет...

Их Императорское Величество сняла перчатки, бросила прямо на дорожку.

– Пойдемте.

Пройдя мимо безмолвных стражей, охраняющих покой Российской Государыни, мы прошли в дом с черного входа. Я не знал, что и где расположено в этом доме, но судя по размерам и обстановке той комнаты, в которую меня привела Ее Величество, – это было что-то вроде малой гостиной. Совсем малой, человек на десять.

– Присаживайтесь. Вам побольше льда? – Ее Величество в деле смешивания напитков предпочитала обходиться без слуг.

– Ваше Величество, со времени последней контузии я стараюсь не пить ничего крепче родниковой воды.

Триста килограммов взрывчатки в припаркованной машине, двойной механизм инициации с лазерным каналом, более ста погибших. Может быть, когда-нибудь и расскажу.

– Ах да... Тогда содовую, если не возражаете. Со льдом.

– Было бы просто замечательно...

Для себя Их Императорское Величество смешала коктейль с водкой и льдом. Водки, на мой взгляд, могло бы быть и поменьше, льда побольше. Было больно на это смотреть...

– Так чем же мы обязаны вашему визиту? – Государыня пристально рассматривала меня и не торопилась пить из своего бокала.

– Ваше Императорское Величество... находясь в Североамериканских Соединенных Штатах проездом, я, как русский дворянин и офицер, не мог не отдать визит Высочайшей Особе, находящейся в той же стране.

– Высочайшей Особе...

– Высочайшей Особе, Ваше Величество. Вы были, есть и будете законной супругой Его Императорского Величества Николая Третьего, и так будет, пока стоит земля.

Государыня рассмеялась... горько.

– Боюсь, визит ко мне не прибавит вам популярности при дворе, Александр. Ныне все норовят запечатлеть поцелуй совсем на другой руке.

– Ваше Величество, я не ищу популярности при дворе и не равняюсь по глубине морального падения на других людей. В России есть только одна Царствующая Императрица и мать наследника Цесаревича.

– Я слышала, что может быть и две...

– Две никак не может быть, Ваше Величество. Ни дворянские собрания, ни Георгиевская дума, ни церковь никогда не примут такого неприкрытого позора!

– Уверены? При дворе говорят иное.

– Уверен. Если произойдет подобное – я откажусь от дворянства и уверен, что многие поступят так же. Подобное безумие не может быть терпимо.

Государыня наконец-то отхлебнула из своего бокала. У нее появились морщины в уголках глаз. Поросенок... ублюдок. Набить бы морду, как в старые времена...

– Вы... непреклонны, Александр.

– Каков есть, Ваше Величество...

– Вы все... – Государыня смотрела как будто сквозь меня... – непреклонны. Люди, сделанные из стали. Люди... уверенные в своей правоте.

Я не мог понять смысл этих слов.

– Что вы подарили Павлу?

– Морской бой, Ваше Величество. В эту игру играл когда-то я сам. Теперь она мне уже не нужна...

– А как же Николай?

– У Николая есть подарки от меня.

– Морской бой... – задумчиво сказала Государыня.

Произошедшее дальше меня потрясло: прежде чем я успел что-то предпринять, Государыня поставила бокал на столик и... рухнула передо мной на колени.

– Умоляю... Александр... я знаю, вас послушают... дворяне... Синод... Пусть нас просто оставят в покое... пусть нас...

– Ваше Величество...

– Нет... не трогайте меня... выслушайте. Я не хочу, чтобы мой сын был наследником. Пусть рождает эта... пусть ее сын будет наследником. Она... хотела этого и получила... пусть будет так... Я не хочу... понимаете... не хочу... я подпишу все, что нужно... не хочу.

Мне наконец-то удалось поднять потерявшую себя женщину, усадить ее обратно на диван. Что делать – я не знал.

– Ваше Величество, почему вы хотите лишить своего сына законных прав на престол? Почему вы хотите лишить Россию власти?

– Я думаю не... о России. Я думаю... о моем сыне. Знаете, с чем он играет?

– Не знаю...

– Он играет с пневматической винтовкой... это с семи лет его любимая игрушка. Он просит у меня настоящую...

– Полагаю, желание мальчика поиграть с винтовкой – нормальное желание. Он представляет себе, что защищает кого-то. Разве это плохо – защищать?

– Плохо... у меня нет сына. У меня на руках наследник престола. Он делает все, чего вы от него хотите... вы, жесткие и непреклонные мужчины. Вы... Николай и все вы отняли его у меня. Даже здесь он мне не принадлежит.

– Ваше Величество...

Государыня подняла на меня глаза. Трудно было усомниться в природе этого взгляда. В конце концов, этот взгляд и сейчас очаровывал миллионы, и многие бы отдали все, что у них есть, за такой взгляд.

Но не я.

В роду Воронцовых не было подлецов. А сейчас я имею возможность сделать подлость, великую подлость. Нет... Николаю я уподобляться не буду. Нет нужды равняться на других в моральном падении.

– Ваше Величество... – повторил я.

Государыня чуть отодвинулась от меня. Она все поняла.

– Жесткие и непреклонные мужчины... – с горечью повторила она, – уверенные в своей правоте. Мужчины, несущие свою честь как знамя. Как же я тогда ошибалась...

– Какие есть, Ваше Величество, – козырнул я, сам находясь в смятенных и сильно расстроенных чувствах.

– Идите, Александр... Спасибо за визит... и за подарок Павлу. Уверена, ему понравится играть в морской бой.

– Честь имею, Ваше Величество.

Выходя, я услышал звуки, которые бы предпочел не слышать, – Государыня плакала. Черт возьми, почему я все и всегда делаю не так?

Когда я отпирал «Майбах», я услышал, как кто-то постучал по крылу. Обойдя вокруг машины, я увидел наследника, он прятался за ней.

– Павел, ты что здесь делаешь?

– Прячусь... не говорите никому.

– Не скажу. А можно с тобой прятаться?

– Нет... увидят. Дядя Саша, скажите, почему нам нельзя поехать в Россию?

Ну и как ответить на этот вопрос двенадцатилетнему пацану? Ему ведь и в самом деле не с кем играть в этом поместье.

– Павел... в жизни получается так, что не всегда ты находишься там, где хочешь, и с теми, с кем хочешь. И делаешь то, что ты хочешь. Но если ты должен, ты делаешь то, что ты должен, и там, где ты должен. Воспринимай это... как задание. Шпионское задание в чужой стране.

Господи, что я несу?

– Дядя Саша, а папа меня любит?

Да... если меня из этого поместья не вынесут на носилках – это будет очень хорошо.

Я присел перед Наследником на корточки, чтобы смотреть ему в глаза.

– Папа тебя очень любит. Папа не может тебя не любить, потому что ты один у папы. И папа у тебя тоже один.

– А почему он тогда не любит маму? Почему мама у папы не одна?

Боже мой...

– Павел, ты мне веришь? Ты веришь мне?

– Верю, сударь.

– Тогда послушай меня. Папа... любит и маму. Просто папа запутался, и очень сильно. Папа очень упрямый, и когда ему говорят, что он поступает неправильно, он продолжает поступать неправильно просто из... своего упрямства. Но это неправильно, Павел... никто не имеет права поступать неправильно, даже Император. Понимаешь? Все должны поступать правильно.

Не знаю, понял ли меня Павел, но он нахмурился и сказал:

– Я никому не позволю обижать маму. Даже папе. А эту... я просто убью. Убью и все.

Господи... Господь Всеблагий, так вот зачем ты просишь винтовку. Николай... гад, что же ты творишь-то?!

– Вот что, Павел. Ты не должен так думать. Помимо папы есть и дворяне. Есть честные дворяне, которые укажут папе на то, что так делать нельзя. Но ты не должен никого убивать. Ты будущий монарх, и дворяне поддержат тебя, если увидят, что ты поступаешь правильно. А убивать – неправильно. Понял?

Раздался шум, я посмотрел поверх багажника и заметил, что бонна вышла и смотрит в мою сторону.

– Беги. Кажется, нас заметили...

Будущий император козырнул мне как сумел:

– Честь имею, сударь.

– Честь имею. Беги. И не хулигань.

Наследник повернулся и отчаянно ломанулся в кусты, которыми опоясывалась стоянка для машин. Под пристальным взглядом бонны я встал, открыл багажник, сделал вид, что туда что-то кладу. Потом – достал ветошь, вытер руки. Я просто проверял, что с колесом, у меня спустило колесо. Ничего более...

Вот так вот. Вот до чего мы дожились. Ехали, ехали и... приехали.

Это снова я, Александр Воронцов, вице-адмирал Флота Его Императорского Величества – только теперь уже в отставке. Человек, оторвавшийся от Родины, от корней. Грин-карта, которая у меня есть, – это всего лишь разрешение здесь жить, Северная Америка никогда не была моей родиной и не станет ею. А в России я не был уже два года.

Почему? Спросите что-нибудь полегче, может, и отвечу.

Теперь я представляю собой нечто вроде бизнесмена. Торговля оружием и решение вопросов безопасности. Вдобавок и консультант СРС. Внештатный, конечно же, никто не примет в штат разведывательной службы человека с такой биографией, как у меня, лучше сразу заявление об отставке написать. Проблемы, которые я решаю, относятся теперь к обеим Америкам – Северной и в основном – Южной.

Сюда я прилетел из Каракаса на несколько дней – просто отдохнуть. Находясь в САСШ, я, конечно же, не мог не отдать визит Ее Императорскому Величеству, которая после известных событий покинула Россию и теперь живет здесь вместе с наследником. Ее Высочество принцесса Мария осталась в России с отцом, на попечении нянек. Про развод, конечно же, никто не говорит – но Августейшей семьи больше нет. Не в смысле Августейшей, а в смысле семьи – распалась семья в самом житейском смысле. В этом во всем виноват и я тоже. Косвенно – но это не дает мне покоя.

Кабы знать, кабы ведать...

Сев в машину, я выехал с территории поместья, но через некоторое время был вынужден затормозить у первой же забегаловки. Если так ехать – рано или поздно врежешься в восемнадцатиколесную фуру, и на этом закончится твоя жизнь. Непутевая...

Болела голова – но это не от контузии, с нею-то я справился, у меня голова крепкая. От ощущения непоправимости прошлого, бессмысленности настоящего и кошмарности будущего. Вот так вот – три в одном.

Местные фермеры, заруливающие в забегаловку отведать пулярки⁸ по рецепту полковника Сандерса, недоуменно косились на мой «Майбах» – такие машины здесь не останавливались, их владельцы питались в других местах.

Ну и черт с ними, пусть косятся...

Решив, что лучше пока никуда не ехать, я включил компьютер, удобно расположенный прямо на передней панели «Майбаха», вышел в Интернет. Чтобы не сидеть и думать о том, о чем думать не следует, лучше потратить минут пятнадцать – двадцать на приведение дел в порядок.

Как у любого человека, скрытного и занимающегося требующими секретности делами, у меня было шесть действующих электронных почтовых ящиков, расположенных в разных странах, у разных провайдеров и даже на разных языках – русском, английском, французском, германском. Работать в Интернете, выходя в него с арендованной машины, хорошо – след ни к кому не приведет, «Майбах» я беру в аренду по корпоративной карте и расплачиваюсь от имени корпорации. Проверил русский ящик – ничего, он у меня спящий. Все три английских – как обычно, полно спама, хватает сообщений и по делам – но ничего такого, что требовало бы немедленного ответа, займусь этим вечером. Французский ящик тоже спящий, немецкий...

В немецком было послание. Подписанное одной только буквой – К. Его я смотреть не стал – в конце концов, хватит уже. Я тоже человек.

Basta.

⁸ Курицы, в данном случае цыпленка. Жареная пулярка была рецептом полковника Сандерса, который начал дело в 66 лет.

**Подготовка
18 июля 2009 года
Особый район Российской империи
на Дальнем Востоке КВЖД.
Двадцать один километр от демилитаризованной зоны.**

– Дай сигарету...

Вместо сигареты решившему закурить казачине прилетел смачный подзатыльник от вах-мистра, который, как оказалось, ехал рядом, а казак Быстрицкий даже не услышал этого. Впрочем, не было в этом ничего удивительного – есаул перед выходом надел на ноги своего коня специальные чулки, заглушающие звук копыт. Раньше тряпками обматывали – теперь вот... за казенный кошт чулки эти выдают...

– Казак третьего года службы Быстрицкий!!!

Вечернюю тишь демилитаризованной зоны покрыл раскатистый рык урядника.

– Я! – Казак, несмотря на то что удар был тяжелым, увесистым, умудрился сохранить посадку и даже принял нечто похожее на стойку «смирно».

– Покурить захотелось? – зловеще сказал урядник. – Правила забыл, стервец? Я тебя чему в прошлом году в лагерях учил?

– Никак нет, господин урядник, не забыл! – на едином дыхании отчеканил провинившийся казак.

– То-то же. Как приедем – два наряда.

– Есть два наряда, господин урядник!

Правило было простое: до первого унтер-офицерского чина курить нельзя. Совсем. Вот как произведут в унтер-офицеры – тогда смоли. А так – нельзя. Вообще в армии, как и во всей Российской империи, курение не поощрялось, но в армии, а также и в казачьих войсках это довели до абсурда. Для казака сигарета, подаренная унтер-офицером за образцовое несение службы, например, была как милость, а уж целая пачка – праздник. Впрочем, были и те, кто в самом деле не курил.

Группа патруля – восемь человек, автоматы, снайперская винтовка, пулемет – ехала по внешнему периметру Дороги. Именно так, с большой буквы – Дороги, потому что КВЖД здесь была всем, без дороги здесь не было бы России. В первом году нового тысячелетия в присутствии Его Императорского Величества был сдан в эксплуатацию «скоростной путь» КВЖД аж до самой Читы, сейчас заканчивалась реконструкция пути до Иркутска с расширением моста через Байкал. Этот проект гражданского инженера десятого класса Леонтия Кабаладзе дал буквально вторую жизнь умиравшей, не выдерживающей конкуренции со стратегической дорогой Берлин – Владивосток дороге. Основным конкурентным преимуществом КВЖД теперь была скорость. Две особые ветки, проложенные где-то параллельно основному пути, а где-то и отходящие от него, – на всем протяжении дороги были накрыты легким, но прочным куполом, и получалось нечто вроде метро. Если по стратегической железной дороге груз шел со скоростью в сто – сто тридцать километров в час, то тут в прошлом году рекордный состав прошел со средней скоростью двести тридцать шесть километров в час. Скорость – вот чем брала эта дорога, она почти не имела остановок, на ней эксплуатировались мощные, сверхсовременные электровозы, а из-под купола отсасывался воздух для сокращения аэродинамического сопротивления несущемуся составу. Купцы моментально смекнули, какие новые преимущества приносит эта дорога, и контейнерный грузооборот Порт-Артура за это время вырос на сто восемьдесят процентов. Потом, в Чите, контейнеры быстро перегружали на вагоны стратегической

дороги. Даже пассажиры, привыкшие к роскоши и комфорту стратегической, все чаще заказывали отдельный билет на «скоростной».

От автора

Здесь надо пояснить подробнее. Граница Российской империи в этом регионе проходила намного южнее, чем сейчас проходит граница СССР и РФ. Весь район к северу от КВЖД, сама КВЖД, а также кое-какие районы южнее находились под контролем Российской империи, Дальний (Дайрен) и Порт-Артур тоже были под контролем России. Эти территории были выделены в отдельный район и управлялись специальным наместником Его Величества. Все это стало результатом войны, которую не признавали историки и которая едва не переросла во Вторую мировую с массированным применением ядерного оружия. Официально это был ряд не связанных между собой конфликтов – американцы называли это Тихоокеанской войной, русские – второй Русско-японской, англичане – Восточной. Она длилась почти двадцать лет, с шестидесяти четвертого по восемьдесят второй, с резким обострением как раз в восемьдесят втором, когда в Польше бушевал страшный мятеж, русская армия в этот момент готовилась к броску на Пекин, а русский Тихоокеанский флот, усиленный прошедшими Севморпутем кораблями, готовился к чудовищной битве в Японском море с кораблями Японского Императорского флота. Бросок на Пекин не состоялся, атомная бомбардировка Владивостока и Николаевска-Уссурийского тоже, не состоялась и битва в Японском море. Был заключен мир при посредничестве Священной Римской империи, по которому Россия приобрела территории, американцам не удалось отстоять Вьетнам и Лаос – но удалось сделать их независимыми, японцам удалось отстоять внешний оборонительный периметр, а американцы сохранили свои права на Панаму и Гавайи. Эта война шла на очень большом участке, львиную долю времени представлялась в виде мелких, локальных конфликтов и мятежей, поэтому ее и не признают как единую войну. Но тем не менее – это была единая война, едва не закончившаяся общими-мировой катастрофой.

И все бы ничего – да была одна беда.

Террористы.

Япония так и не смирилась с поражением во второй Русско-японской. В континентальной Японии черт знает что творилось, японцы искусственно поддерживали бардак и не допускали объединения здоровых сил страны, чтобы сбросить ненавистное иностранное иго, – в этом они всецело следовали рецептам своей старой, мудрой и циничной покровительницы Британии. Разделяй – и властвуй.

Так появилось «Общество железного дракона», которое решило избрать своей целью освобождение китайских земель, оккупированных Российской империей. В сущности, «Общество Железного дракона» было одним из многих проектов японской военной разведки Кемпетаи, скорее даже крышей, используя которую японские офицеры могли проникать на территорию России и совершать там диверсии. Вот потому-то и пылит сейчас по едва заметной тропинке казачий отряд, вот почему и парит над дорогой беспилотный летательный аппарат – он следит постоянно, а казаки делают два обхода в день, каждый раз без какой-либо системы, когда вздумается – потому что чутье и нюх опытного, много повидавшего человека не заменит никакой летающий глаз.

А так – это была плодороднейшая, красивейшая земля, слева вдалеке виднелись отроги Сунгарского хребта, справа, примерно километр с небольшим, – серая кольчатая змея скоростного пути, едва слышный, но все-таки слышный, неумолкающий гул вентиляторов, ровный шум проходящих составов. Слева – зона отчуждения, где местные китайцы умудрились насадить картошки (кстати, хорошая запретная зона, если кто полезет к путям, китайцы за свою

картошку...), справа – кажущееся бескрайним золотистое пшеничное поле с тяжелыми колосьями. Убирать должны были начать со дня на день...

И птица... нерусская, что-то тоскливо кричащая над необраным хлебным полем.

– Тоскует... – сказал кто-то из казаков, провожая ее взглядом.

Конь урядника, старшего патруля, умнейший, выезженный Демон, внезапно остановился и уставился куда-то в поле, нервно перебирая ногами на месте.

– Стой! – подал команду урядник.

Казаки моментально развернулись боевым порядком, прикрывая сектора огня. Им предлагали пересечь на внедорожники, проблем с этим не было – но они упорно отказывались. Внедорожник – его покупать надо – надо, ремонтировать надо – надо, бензин надо – опять надо. Не напасешься, в общем. А конь – он и пропитаться себе летом найдет, и отремонтировать его не надо, если с умом ездить, от кобылы тебе и жеребята будут. Одна выгода, понимаешь. Не говоря уж о том, что такие кони, как Демон, везут тебя, снаряги килограммов шестьдесят-семьдесят и умные, как служебно-розыскная собака – все неладное чувствуют и о том тебе знак дадут.

Урядник склонился к уху коня, похлопал его по лоснящейся шее.

– Что, Демон? – спросил он.

Конь фыркнул и помотал головой. У коня и его хозяина был собственный, особый, непонятный посторонним язык. Так конь дал знать хозяину, что в поле чужой.

– Быстрицкий, Гуров – у лошадей! Остальным спешиться, дистанция двадцать метров, начать прочесывание. Гуров, сообщи куренному – здесь неладно.

– Есть!

Защелкали автоматные предохранители – места здесь были беспокойные, поэтому казаки, выходя на патрулирование, всегда досылали патрон в патронник.

Группа казаков редкой цепью выстроилась у дороги, у кромки поля. Собственно говоря, никто не ожидал особо плохого – наверняка контрабандисты с опиумом, каким-то образом прошедшие демилитаризованную зону. Но могло быть всякое.

– Смотреть под ноги. Переключка каждые две минуты. Пошли.

С шорохом расступилась перед казаками спело-желтая гладь поля...

– Нашел!

Урядник резко повернулся на крик казака.

– Что?

Казак Пахомов с ликующим видом поднял из желтого моря драный, старый сапог.

– Сапог, господин урядник.

Урядник погрозил кулаком.

– Вот я тебя нагайкой, враз дурковать отучишься!

Над полем быстрыми, порскающими из-под ног птицами летела переключка казаков.

– Михеев!

– Воротынцев!

– Скрипников!

Михеев, который с утра тоже был каким-то не по чину веселым – видно, к розгам, шедший на левом фланге у урядника, решил «разбавить тишину».

– Господин урядник! А правда, что тут ниндзя водятся?

– Какие такие ниндзя?

– Да ниндзя, господин урядник. Эти... японские самураи в черном. По ночам шастают.

– Тьфу, пропасть. Это кто тебе сказал?

– Да Бакаев надысь гутарил.

– Бакаев... Бакаев бы еще больше гяолана⁹ пил, так ему не то что самураи в черном, ему бы слоны в розовом померещились, прости...

Михеев не сразу понял, что что-то неладно. Только через пару секунд он осознал, что фраза не закончена, повернулся – и не увидел своего урядника.

– Владимир Павлович! – не нашел ничего лучшего, как позвать его.

Что-то черное пружиной взметнулось из ржи, оттуда, где он только что прошел, по горлу резанула удавка. Одновременно неизвестный каким-то совершенно безумным ударом ногой сумел выбить из автомата магазин. Михеев попытался ударить назад локтем – но сильный, костяной удар в затылок моментально выбил из казака сознание.

– Э, смотри!

Быстрицкий, сошедший с коня, чтобы дать ему отдохнуть, вдруг увидел, что троих казаков, отошедших от края полевой дороги метров на сто, уже нет, а еще трое с кем-то сражаются, и похоже, что безуспешно.

– Гур, огонь!

Ответа не последовало. Забеспокоились кони, Быстрицкий повернулся, потеряв секунду, и увидел – пулеметчик навзничь лежит в дорожной пыли, оружия рядом с ним нет. Он вскинул винтовку, чтобы хоть чем-то помочь тем, кто безнадежно боролся в поле, да хоть просто выстрелом сигнал подать – и тут что-то ударило его в шею. В следующее мгновение он упал, не в силах пошевелить даже пальцем, чтобы нажать на спусковой крючок. Пока что он был в сознании – и с удивлением и ужасом видел, как к нему приближается человек, вида такого, словно он встал из земли, из жирной черной земли, которая так хорошо родит картошку и пшеницу. Он был в грязи с головы до ног, блестели только глаза, в руках у него было что-то вроде трости. Потом он перестал видеть и это...

«Сикорский – пятьдесят девять», квадратный, уродливый, с двумя винтами один над другим и торчащими из десантного отсека стволами скорострельных пулеметов, приземлился прямо посреди дороги, до полусмерти напугав лошадей – они бросились бы опрометью от этой страшной черной летающей машины, если бы не путы на ногах и не крепкая рука, которая держала их. Чуть в сторонке лежали и сидели связанные казаки, у тех, кто их охранял, было оружие казаков.

Из десантного отсека вертолета выпрыгнули двое – седой, среднего роста, с черными, без единого проблеска седины короткими офицерскими усами русский, и кореец, низенький, щуплый, с виду ничего из себя не представляющий, но крепкий, как стальной трос.

Четверо – все как на подбор роста среднего и чуть выше среднего, одетые в простые черные костюмы наподобие тренировочных, черные сапоги с мягкими подошвами, с масками на головах – моментально выстроились, отдали честь. Потом один сделал уставные «два шага вперед».

– Господин старший инструктор, задание выполнено, потерь в группе нет! Доложил гардемарин Островский!

Инструктор покачал головой:

– Задание ни хрена не выполнено! Они успели сообщить в штаб, перед тем как вы их взяли. Вы привлекли их внимание и провалились! Теперь в штабе ждут доклада, если его не будет – поднимется тревога!

Гардемарин отчаянно посмотрел на инструктора:

– Но, господин старший инструктор, весь патруль захвачен живым. Мы можем заставить...

⁹ Китайский рисовый самогон.

– Ты дурак! Дурак! Японцы, с которыми вам придется иметь дело, – их не заставишь! Ты будешь отрезать им пальцы один за другим – а они будут смеяться тебе в лицо и говорить «Да здравствует Император!». Они не боятся смерти, для них бесчестие страшнее смерти! Ты должен был найти способ, как снять патруль еще на дороге! Ты провалил задание!

– Так точно!

– Ты провалил задание! – еще громче сказал офицер. – Ты погиб сам и погубил своих людей!

– Так точно, господин старший инструктор!!! – изо всех сил выкрикнул кадет.

Офицер внезапно потерял интерес к кадету, повернулся к корейцу.

– Это лучшие? – презрительно сказал он. – Группа подготовлена плохо. Если остальные подготовлены еще хуже – у нас большие проблемы. Возвращаемся.

Офицер достал из-за пояса нож, бросил его на землю, потом повернулся и пошел к вертолету. Следом пошел кореец. Поднимая пыль, вертолет быстро взлетел, скорее даже не взлетел – а прыгнул в темнеющее небо, как бабочка.

Один из «ниндзя» снял маску, это оказался пацан лет восемнадцати, то ли китаец, то ли кореец, то ли японец.

– Мы не выполнили задание, – сказал он по-русски.

Тот, кто докладывал, повернулся, скомандовал:

– Построиться! За мной, бегом марш!

Маленький отряд сорвался с места. Они бежали тем особенным бегом, какому научил их Ко: когда ты бежишь так, человек должен присмотреться, чтобы увидеть тебя, даже если ты бежишь на ровном месте в ста метрах от него. Это было особое умение, оно передавалось в тайных обществах Кореи, издревле сопротивлявшейся захватчикам.

Примерно минут через десять казакам удалось подобрать брошенный для них нож, перерезать пути одному из них на руках, потом освобожденный освободил остальных, вскочил и, грязно выругавшись, бросился к оружию. Чуть в стороне тревожно прыдали ушами, переступали с места на место нервничающие кони.

– Ах, б...

– Ат-ставить!

Урядник, уже поднявшийся с земли, посмотрел в ту сторону, куда убежали эти самые. За десять минут невозможно было убежать далеко, да и солнце светило – но этих видно не было.

– Ниндзя... так их мать!

До лагеря, до которого группе гардемарин предстояло добраться, было пятнадцать верст пути.

Мастер Ко, сухощавый, без возраста, как и все корейцы, в простом черном костюме – широкие штаны, борцовская куртка, косынка на голове, мягкие полусапожки с кожаной подошвой – единственное из униформы русского морского спецназа, которое он носил, – стоит перед коротким четырехшереножным строем. Четыре шеренги по пять пацанов-гардемаринов в каждой, оружия нет, знаков различия тоже нет. Все те же борцовские костюмы, только белые. Поровну – узких глаз китайцев, корейцев, монголов, и обычных – русских, казаков. Все пацаны почти одного роста – в морской спецназ не берут выше метра семидесяти пяти, что связано с возможностью транспортировки на подводных лодках и абордажными боями...

– Вы все... – мастер Ко говорит без экспрессии, спокойно, этим он отличается от любящих поорать других инструкторов, – пока еще не воины. Даже не бойцы. Чтобы стать бойцами, вам не просто нужно уметь бить руками и ногами, вам надо понимать, для чего вы это делаете. Ну, а для того, чтобы стать воинами...

Мастер Ко прерывается, осматривает строй. Никто еще не понимает. Все они насмотрелись приключенческих боевиков, пошли в скауты, потом выбились по скаутской лестнице в разведчики и командиры отрядов, потом прошли вступительные испытания. Они, кстати, не такие суровые, суровостью испытаний и запредельными нагрузками ничего не решишь. Первичный отбор проходят еще в скаутском отряде, там годами доказывают скаут-мастеру и другим пацанам и девчонкам, что ты достоин. Что если тебя выберут разведчиком или командиром – отряд не сгинет, не оплошает, дойдет и вернется. Это не проверить никакими испытаниями, человек (еще маленький человек) проверяется в скаутах годами, в самых разных ситуациях, там он всегда на глазах самых строгих экзаменаторов – своих сверстников. Пацанский мир – он очень жестокий, в нем нет места жалости к тем, кто не справился, выбился из строя, подставил, кто не такой, как все, и этим гордится. Только те, кто сумел завоевать уважение и доверие, кто доказал – только из тех отбирают гардемаринчиков для дальнейшего обучения, которые здесь стоят перед мастером Ко. Но они еще не понимают... ничего еще не понимают...

Когда во время прошлых думских слушаний бюджет сверстать без дефицита не удалось – огромные деньги уходили на реинтеграцию Польши и Персии, там строили, восстанавливали, создавали нормальную жизнь, нужно было делать это быстро, чтобы никто не смел сказать, что раньше было лучше, – так вот, когда группа депутатов выдвинула идею сократить расходы на детско-юношеское воспитание, Его Величество, сам отслуживший и знающий, что к чему,отреагировал неожиданно резко. В отличие от своего всегда выдержанного отца он иногда взрывался и переходил на общенародный говор, неприемлемый в стенах Думы, – так вот, Его Величество пододвинул к себе микрофон и сказал: «Хороший садовник по необходимости обрезает ветки дерева – но нужно быть полным идиотом, чтобы начать обрезать корни».

Предложение не прошло.

Нет, не понимают...

– ...Чтобы стать воинами, вам нужно научиться умирать. Только тот, кто каждую минуту, каждую секунду готов умереть – только тот воин!

Мастер Ко снова оглядывает строй. По-прежнему не понимают. Но поймут. Обязательно поймут...

– Разбиться на пары! Я хочу посмотреть, кто из вас чего стоит в рукопашной. Удушающие, удары в пах, скручивающие на шею запрещены. Остальное – можно. Деритесь так, как вы умеете драться! Начали!

– Я никогда не смогу...

Костяшки пальцев – грязное месиво, кровь, остатки кожи и крупный речной песок. Перед пацаном – большая бочка, наполненная этим самым песком.

– Сможешь... – мастер Ко улыбается, – боли нет. Забудь про боль, она тебе просто кажется. Боль – это всего лишь страх твоего организма. Страх перед этим песком. Скажи – разве ты боишься речного песка?

– Никак нет.

– Тогда начинай. Тебе осталось лишь четырнадцать раз. Боли нет, запомни это и повторяй про себя.

Боли нет... Боли нет... Боли нет...

И пацан снова втыкает кулак в грязное месиво песка.

Рядом стоит бочка с крупной речной галькой. Это – следующий этап.

– Автомат двухсредный *специальный* АДС «Морской волк»¹⁰ пришел на смену автомату «Морской Лев». В отличие от своего предшественника, он стреляет что под водой, что на берегу спецпатронами стандартной длины, для него не нужны два типа магазинов! Единственное, что должен сделать боевой пловец перед выходом на сушу, – это переключить тип работы газоотводной автоматики из положения «вода» в положение «суша». Вот здесь!

Капитан второго ранга Мирзаев, горец, каким-то чудом попавший в подразделение боевых пловцов и награжденный в мирное время двумя военно-морскими крестами, белозубо улыбается – и тут же взрывается криком:

– Если вы этого не сделаете, автомат откажет, а возможно, и разорвет. И тогда – лучше, если вас перережет пополам пулемет с берега, чем потом вы, разгильдяи, попадетесь ко мне в руки! Что встали – на позиции! Проверить переключатель среды – положение «суша»! Прикннуть магазины! Доложить готовность! Одиночными по движущимся целям – начали!

Мотобот. Траверз Поста святой Ольги. Сумрачное, серо-зеленое море, в лицо хлещет солеными брызгами ветер. Погода не сказать что хорошая. Мотобот, перегруженный за ватерлинию, стоит носом к волне, идет малым, когда идет особо сильная волна – вода перекачивается с носа до самой кормы. Прохладная, соленая стихия обитания «морских львов» – диверсантов-подводников.

Мичмана и старшины – настоящие, с острова Русский, живые, во плоти, – надев свои акваланги, проверяют акваланги курсантов. За каждым закреплен свой курсант, каждый идет в паре, отвечает за своего курсанта – иначе нельзя, сдуру кессонку¹¹ только так можно схватить. Море шуток не любит и не воспринимает.

Гардемарин Островский идет в паре с мичманом Тишко – белозубый, как и все боевые пловцы¹², он проверяет в последний раз регуляторы смеси на аппарате гардемарина.

– Во-о-от так. Лучше два раза перепроверить, чем потом в госпитале с кессонкой валяться. Сколько будет твоя декомпрессия при погружении на сотку на пятнадцати метрах?

– Четыре минуты по таблице Хана, господин мичман!

– Молодец. А смесь?

– Двенадцать на пятьдесят шесть!

– Снова молодец. Но лучше на такую глубину не лазать. Не хрен там делать.

И мичман задорно подмигивает.

– Двинем сегодня на спуск?

– А командование?

– А хрен с ним... Все равно вертолет раньше двадцати двух не придет.

На заливаемую солеными потоками воды палубу выходит старший инструктор Безбородько, он обладает каким-то поразительным умением держаться на палубе раскачивающегося мотобота без рук. В руках – мегафон.

– Личному составу – на исходные! – раздается над волнующимся морем.

Маску на рожу, регулятор в крайнее положение – смесь пошла, ты уже на «искусственном дыхании». Слегка закладывает уши. Чуть ли не ползком гардемарины перебираются к своим инструкторам – те уже сидят на бортах мотобота, спинами к морю. Все это сильно напоминает, как птицы садятся на провода, собираются на них перед тем, как лететь в дальние края. Чтобы не вывалиться так за борт, тем более что полные баллоны тянут тебя в бездну, а мотобот шатает, – курсанты держатся изо всех сил.

¹⁰ Отличается от принятого на вооружение в нашем мире тем, что он создан не по схеме Буллапа, а по обычной схеме. Это сделано для того, чтобы проще было переучивать личный состав с одного типа оружия на другой.

¹¹ **Кессонка** – при резком всплытии в крови вскипает азот, погибнуть так можно запросто.

¹² Если с зубами хреново – лучше не погружаться. Все на свете проклянешь от боли.

– Сброс!

Мгновение полета – и прохладная пучина принимает их в свои объятия.

Лазаревская. Спуск к порту, к спортивной гавани. Гомон, пахнет рыбой, как и во всем Владивостоке. Полно рыбных кафе, икрой здесь можно разжиться по цене в три, а в сезон – в двадцать раз дешевле, чем в Санкт-Петербурге. Много машин, если подняться повыше, то будет виден громадный мост адмирала Макарова – мост на остров Русский. С тех пор как его проложили, там полный бардак и рассекречивание объектов, принадлежащих диверсионной службе Флота Тихого океана. Полным ходом строится еще одна база как раз рядом с Постом святой Ольги, это оттуда они сегодня ходили в море.

Гардемарин вместе с мичманом сегодня – по выходной форме, гардемарину она не положена, но баталер сварганил, у хорошего баталера всегда найдется запас. Форма – это одно из неизменных условий, без нее на спуске ловить нечего. Второе неизменное условие – это хорошо подвешенный язык и богатое воображение.

Рядом – две барышни, обеим – лет по шестнадцать. Последний курс гимназии. Прямо в форме – темно-синие платья, белые носочки. В руках у дам китайские коктейли, их «устроил» хорошо все понимающий Ван – хозяин сего почтенного заведения, из-за этих коктейлей в его заведении всегда не протолкнуться – и все парами. Все дело в том, что пьется коктейль как легкое вино, а вот последствия от него куда серьезнее. Мичман предупредил своего молодого, неопытного напарника, чтобы больше четверти стакана он ни в коем случае не пил, а при необходимости – незаметно отливал, и даже показал, как это незаметно делать. Сказал он и еще кое-что, что я здесь приводить не буду – уши повянут, если вы, конечно, не моряк.

Сегодня мичман в ударе – барышни зачарованно внимают его рассказу о «крайнем» заходе в Токио, как он попал в дурной квартал и еле выбрался оттуда, преследуемый разъяренными якудза, японскими бандитами. Корабль уже отвалил от пристани, и ему пришлось прыгать в воду – и там отдали шторм-трап и подняли его – все это под пулями. Ну и... комендоры корабля внакладе тоже не остались. Гардемарин Островский уже достаточно «в теме» по флотским делам, чтобы понять – мичман врет. Но красиво врет!

Мичман дважды кашляет – готовность. Предложить барышням прогуляться по набережной должен именно он, у него еще полудетское лицо, и его приглашение не вызовет подозрений, не то что приглашение взрослого мужика. С набережной можно сойти на пляж – а там и домики купальные на самом краю есть. Пустые...

Ночь. Свет фонарей на мокром песке, крики. Тяжелое дыхание и вязкий сырой песок под ногами...

– Падлы... Давай, салага, туда... Бегом!

– Господин мичман, я китель забыл.

– Черт... Поздно уже, побежали...

С обратной стороны, у мыса, по заброшенной дороге продвигается внедорожник, фарискатель жадно шарит по пляжу. Сине-красная круговерть над кабиной.

– А, черт...

Мичман остановился так, что песок полетел, затравленно глянул на полицейский внедорожник. Путь к пригороду был перекрыт.

– Ну, салага, сдаемся? Или еще повоюем?

Гардемарин Островский сел на песок рядом, тяжело дыша. Безумие какое-то, вторая в его жизни девчонка – и тут такое. Собственные полицейские их травят, как волков.

– Что скажешь?

– Воюем...

Луч мазнул краем по ним, прошел мимо. Потом остановился – и хищно метнулся к ним.

– Вон они!

Гардемарин Островский затравленно глянул на далекие огни острова Русский. И – отчаянно бросился в воду.

– Вот следы, господин исправник.

Толстый, карикатурно уса́тый исправник присел на мокром песке, зачем-то потрогал вмятины от ног руками. Проследил их взглядом – до кромки воды.

– Ушли, сукины дети. По воде ушли... – раздосадованно сказал он.

К группе полицейских и служителей пляжа подбежал молодой, курносый жандарм, на коротком поводке у него нервничала овчарка.

– Господин исправник...

– Поздно... – сказал огорченно исправник проводнику СРС¹³, – если, конечно, твоя псина с воды не умеет следы читать. Пойдемте.

Остров Русский...

Твердыня, прикрывающая Владивосток с моря, больше половины которой отдано в распоряжение флота. В тридцатые тут были поставлены орудия береговой обороны, сейчас их не было – но остров не был демилитаризован, как на том настаивали японцы. Постоянно велись какие-то работы, копались новые тоннели и подземные казематы, все они были способны выдержать падение самой мощной авиабомбы или удар оружия главного калибра Японского императорского флота. На острове Русский – пока что основная база диверсионной службы Тихоокеанского Его Императорского Величества флота.

Третий уровень. Двадцать восемь метров под землей, бункер – старый, пятидесятих годов постройки, если даже и не более раннего периода. Дверь, выкрашенная корабельной серой масляной краской. Неистребимая затхлая сырость внутри, давящая со всех сторон теснота. Крепкая и бесхитростная мебель. Лампы-плафоны в решетках. Андреевский флаг в углу, в подставке для знамени, портрет Его Величества на стене в дешевой рамке. Корзина для мусора, сделанная из стреляной гильзы шестнадцатидюймового калибра. Еще одна обрезанная гильза – подставка для письменных принадлежностей.

Капитан второго ранга Борисюк, сидя за столом, мрачно смотрит на вытянувшегося перед ним по стойке смирно гардемарина Островского. Чуть в стороне, в такой же стойке, – начальник учебного курса, ему тоже отвечать за подчиненного.

– Орлы! – как бы в раздумье говорит он. – Соколы ясные!

Гардемарин молчит, он уже усвоил – не стоит сразу отвечать на вопросы начальства, что заданные, что незаданные. Молчи – и целее будешь.

– Ну... то, что вы с дамами познакомились на Спуске – это я понимаю, сам когда-то таким был. Пусть одна из них и несовершеннолетняя. Хорошо, пусть так, про это мы забудем. Но зачем вам понадобилось взламывать чужой пляжный домик, скажите мне на милость? Ума не хватило дам в нумера отвести?

Гардемарин молчит.

– Я вас спрашиваю, гардемарин!

– Никак нет, господин капитан второго ранга!

– Что – никак нет? Ума не хватило?

– Никак нет, мы ничего не взламывали. Может, кто-то и взламывал, но не я, господин капитан второго ранга!

– Не вы. А полицейские по пляжу за Святым духом гонялись...

– Об этом надо спросить полицейских, господин капитан второго ранга.

¹³ Служебно-розыскная собака.

– Спросить... Да если их начать спрашивать – тебя, салагу, вон с курсов с волчьим билетом. Раздолбая этого – могут и с флота долой, сам на преступление пошел и подчиненного потянул. Я ж тебе, мальку, предлагаю по-свойски порешать...

Тон капитана становится более доверительным.

– Вот что, гардемарин. Этот Тишко уже давно часть позорит, залет за залетом у него. И мне, как его командиру, достается. Получается, от него все страдают – я, сослуживцы, теперь и ты можешь пострадать. Тебе это зачем? Скажи правду, и решим между собой, получишь ты десять нарядов вне очереди и плавай дальше. Малек...

Гардемарин молчит.

– Чего молчишь?

– Я не понимаю, о чем вы говорите, господин капитан второго ранга. Мы ничего не взламывали и вообще...

– Что – вообще? Что – вообще, гардемарин? А какого же хрена тебя в заливе выловили, вместе с твоим инструктором по легководолазной?

– Мы поспорили, – упрямо отвечает гардемарин.

– Чего?!

– Господин капитан второго ранга, разрешите доложить!

– Докладывай... Если есть что докладывать.

– Господин капитан второго ранга, мы с господином мичманом прогуливались по пляжу, но мы ничего не взламывали. Господин мичман посмел нелестно отозваться о школе, сказав, что мы на воде держимся, как дерьмо в проруби. Я сказал, что это наглая ложь, и предложил доплыть до Русского, чтобы доказать свои слова. Поэтому мы и поплыли, господин капитан второго ранга!

Капитан второго ранга пробурчал что-то насчет осьминога и клюзов. Потом шваркнул на стол пакет, вытряхнул из него парадный китель.

– А как ты объяснишь вот это? Это в домике нашли. Не твое?

– Никак нет, господин капитан второго ранга! Я гардемарин, мне не полагается парадная форма одежды, господин капитан второго ранга!

Капитан второго ранга побагровел, как украинский бурак.

– Конвой! Конвой, мать вашу!

Хлопнув дверью, в кабинет влетел сначала адъютант, за ним – двое из караульного взвода.

– Вот этого... – капитан хватал воздух ртом, как выловленная и брошенная на берег рыба, – вот этого поганца на цугундер! На цугундер! На хлеб и воду! Мерзавец, ах какой мерзавец!

– Есть! А ну, пошли! Руки за спину – вперед!

Когда за гардемаринном Островским и караульными закрылась дверь – открылась другая дверь, замаскированная под дверцу шкафа, и из нее шагнули два человека. Мичман Тишко, известный залетчик, и второй, среднего роста, почти лысый, крепкий, как обкатанный волной голыш.

Борисюк в это время наливал воды из графина, горлышко графина позвякивало об стакан.

– Выдохни, Хохол... – насмешливо проговорил второй, старше по званию и почти лысый, – смотри, так и лопнешь.

Капитан Борисюк на Хохла не обиделся – такое было прозвище у него еще с учебки. У того, лысого, прозвище было Скот.

– Вот поганец... – пожаловался он, приходя в себя, – врет и не краснеет. Какую шпану вы к себе тащите?

– Врет и не краснеет? – переспросил Скат, – это хорошо. Очень хорошо. А ты, мичман, что скажешь?

– Салага шпанистый, но дельный, – задумчиво сказал Тишко, – толк будет. У него как пружина внутри. Чем больше гнешь – тем сильнее потом тебе же по лбу. Гордый.

– А вот это плохо. Гордые подышают. Твое мнение, мичман – не протабанит?

– Никак нет, господин капитан. Не протабанит.

– То дело. Тебе с ним потом возиться. Пошли. Ах, да...

На стол капитану Борисюку ложится сигара – Н.Уртапп в отдельной алюминиевой упаковке с вставкой из кедра внутри.

– Рахмат, Хохол. С меня причитается...

Капитан второго ранга Борисюк посмотрел вслед уходящим офицерам амфибийных сил флота. Его в свое время не взяли.

– Намучаетесь вы со своими... ортодоксами.

Так проходили испытания будущие бойцы амфибийных сил флота – морская пехота и боевые пловцы. Закон у них был един – один за всех и все за одного...

А отсидеть Островскому положенное все-таки пришлось: натворил – отвечай!

11 мая 2012 года
Вашингтон, округ Колумбия.
Anacostia Naval Station
National Counterterrorism Center

Наследие...

Но не предков. Наследие прошлой, совершенно безумной администрации, ловкой, как слон в посудной лавке, непреклонной в своей тупости, как маньчжурский богдыхан, вознамерившейся переделать если и не весь мир, то его значительную часть. Наследие проигранной войны... Право же, иногда казалось, что нужно просто бросить все и уйти – и катись все в пропасть, можно построить стену высотой в пять, десять, пятнадцать метров... можно перекрыть Мексиканский залив... вот только где найти стену, которая защитила бы от самих себя.

Национальный антитеррористический центр был одним из новых агентств, созданных в дополнение к старым после жутких событий 10/9, когда гражданские самолеты врезались в здание Всемирного торгового центра, в Пентагон, а один из самолетов упал на лужайке. Уже сейчас открыто говорили, что для того самолета, что врезался в Пентагон, это была запасная цель, основная – Белый дом, мимо которого пилот-террорист промахнулся, а у того, что врезался в фермерское поле, целью был Капитолий. Очень остроумно – если учесть, что президент САСШ в это время был во Флориде, читал лекцию детям в школе, и это ни от кого не скрывалось – достаточно было зайти на сайт пресс-службы Белого дома и получить там информацию об очередных поездках Президента. Но речь не об этом.

Как только были созданы новые службы – для Министерства безопасности Родины возвели объект размером с пять гипермаркетов, поставленных друг на друга, – по закону бюрократии для всех, кого туда навестали, незамедлительно нашлось дело. Президент САСШ совершил такое, чего от него не мог ожидать ни один разумный человек: вместо того, чтобы приложить все меры к замирению Мексики и стран Центральной Америки, он ни с того ни с сего обвинил бразильскую хунту в нарушении прав человека и попытках создания ядерного оружия, послал в Бразилию несколько дивизий наводить порядок. Порядок навели достаточно быстро – на троне из штыков долго не усидишь, народ, пораженный идеями троцкизма, диктатуру ненавидел, военные и жандармы частично разбежались, частично перешли на сторону новой, проамериканской, «демократической» власти, частично ударились в террор. Но уже через несколько месяцев творящийся в стране бардак перерос в жестокое, организованное, координируемое и финансируемое извне террористическое сопротивление, имеющее целью изгнание американцев с южноамериканского континента (ни больше, ни меньше) и провозглашение народного бразильского государства, основанного на идеологии троцкизма, т. е. агрессивного большевизма. Сопротивление это усиливалось год от года, в прошлом году Священная Римская империя по просьбе Аргентины перебросила на южноамериканский континент две дивизии парашютистов с целью поддержки аргентинской государственности и оказания содействия в борьбе с красным проникновением. Североамериканцы на сегодняшний день потеряли в Бразилии только погибшими двенадцать тысяч человек, ранеными – больше пятидесяти тысяч. Ситуация в Мексике с введением туда дополнительного контингента не только не стабилизировалась, но года с шестого, как только в Бразилии отчетливо проявились проблемы, начала снова обостряться, ставя САСШ перед реальной возможностью создания в будущем единого антиамериканского фронта на юге, а возможно – и единого государства с сильными идеями большевизма. Вот такое вот наследство оставил своему преемнику президент Меллон-младший.

Новым президентом САСШ стал демократ Морган, и это был не самый худший выбор. Бывший адвокат довольно левых взглядов, конгрессмен из Аризоны, умеющий говорить с публикой и называть вещи своими именами – по крайней мере, он умел это делать во время предвыборной кампании. Когда предвыборная гонка только начиналась, его считали чуть ли не леваком, в нем была латиноамериканская кровь по матери, а кое-кто поговаривал, что его мать была и окторонкой¹⁴. Как бы то ни было, идея расследовать хищения денежных средств в Вашингтоне, совершенные командой бывшего президента, и судить Меллона понравилась разочарованным в республиканцах избирателям, и президент Морган въехал в Белый дом триумфально, с огромным перевесом голосов. Это вообще был его стиль – конгрессменом он стал, набрав больше голосов избирателей, чем любой другой конгрессмен из Аризоны когда бы то ни было, и ведь это был южный штат, где еще лет тридцать назад слухов о капле негритянской крови в жилах было достаточно, чтобы похоронить карьеру любого политика окончательно и бесповоротно¹⁵. Когда огласили итоги выборов, в Вашингтоне собрался митинг, на котором – неслыханное для Северной Америки дело! – разъяренные люди кричали, что надо пойти к Белому дому и выкинуть оттуда придурка Меллона-младшего прямо сейчас. Митингующих с трудом успокоили, пришлось выступить лично Моргану – но одно это показывало, сколь накалены были страсти в Вашингтоне в то время. Зимой две тысячи восьмого года президент Морган принял клятву на конституции и торжественно въехал в Белый дом.

Сто дней «медового месяца»¹⁶ пролетели быстро, и постепенно стали выявляться некоторые проблемы в президентстве Моргана, на первый взгляд незначительные, но тем не менее. Президенту было пятьдесят девять лет, и весь его опыт политической и управленческой работы исчерпывался несколькими годами в должности мэра города Тусон, а затем – двумя годами стажа конгрессмена. Это – все, в молодости он был помощником прокурора по уголовным делам, достаточно успешным в деле посадки преступников, потом адвокатом, но это не давало ему нужных знаний для того, чтобы управлять государством.

Не было у него и команды. Президент Меллон-младший был откровенно недалеким человеком, к тому же алкоголиком, про него говорили, что бывшим, но тем, кто с этим сталкивался, хорошо известно, что бывших алкоголиков не бывает. Но вместо него правил вице-президент Джек Мисли, опирающийся на опасную группировку бывших большевиков-троцкистов, прорвавшихся к власти. С возрастом они поменяли взгляды, переместившись с крайне левого на крайне правый фланг политического спектра, но оставили в своем арсенале методы борьбы большевиков – государственная измена, саботаж, шпионаж, политические убийства. Да, это была чрезвычайно опасная команда – но это была команда, у которой был лидер, члены которой знали друг друга, имели собственные убеждения и действовали в соответствии с ними, поддерживая друг друга. У президента Моргана не было команды как таковой, ему подобрали команду из случайных, плохо знающих друг друга и не доверяющих друг другу людей, которые были схожи между собой только тем, что все они принадлежали к функционерам Демократической партии САСШ. В остальном они действовали разрозненно, несогласованно, не поддерживали друг друга – и в результате команде президента до сих пор не удавалось овладеть ситуацией в «силовых» министерствах и агентствах, кроме разве что аполитичного и не вмешивающегося со времен смерти Гувера в политические дразги ФБР.

Президенту и его людям удалось сместить неоконков. Бывший вице-президент Джек Мисли работал в нескольких наблюдательных советах крупнейших оборонных корпораций страны, одновременно читал лекции и участвовал в политической жизни крайне правого крыла

¹⁴ Человеком с одной восьмой негритянской крови.

¹⁵ В этом мире в САСШ не было такого уровня толерантности, как в нашем, и негры оставались неграми. Сегрегация явочным порядком была отменена, но голосовать они имели право только на местных выборах.

¹⁶ Так называются первые сто дней президентства.

Республиканской партии. Дональд Миз, бывший генеральный атторней САСШ, находился под следствием – против него выдвинули обвинение в сексуальном домогательстве – и тоже читал лекции. Министр обороны Ричард Нолан – редчайший случай! – не только остался в кресле министра обороны с приходом демократов, но и укрепил свои позиции. Кевин Лугар, спецпредставитель президента САСШ в Мексике, находился под следствием по обвинению в умышленном раскрытии личности действующего агента СРС журналистам, потом был помилован уходящим с поста Меллоном, при новой администрации ушел в тень – видимо, понимал, что новые скандалы ему совсем некстати. Советник президента по вопросам национальной безопасности МакФадден – теперь руководитель чрезвычайно влиятельной Международной ассоциации частных служб безопасности, организации, объединяющей большую часть работающих по контрактам частных разведывательных агентств, агентств безопасности и военных агентств. Уайт, бывший министр безопасности Родины, ныне работает в паре советов директоров в оборонке, преподает в нескольких университетах – читает курсы по стратегии национальной безопасности, хотя уровень его знаний таков, что эти лекции не помешали бы ему самому. Пол Крейг, заместитель госсекретаря САСШ, ушел из политической жизни и из жизни вообще раз и навсегда при подозрительных обстоятельствах еще при прошлой администрации, поговаривали, что его карьера оборвалась на взлете. Остальные неокконы тоже были разбросаны по различным фондам и лекционным залам, отстранены от политической власти и мало оказывали влияние на умы простых североамериканцев, но ежу ясно, что они ждали реванша.

Бремя ответственности за принимаемые решения, бремя власти после отстранения от власти республиканцев легло на демократов, в этом, кстати, есть величайшая несправедливость демократического представительства: кашу, которую заваривали одни, вынуждены хлебать другие, при монархии решения принимаются осторожнее, спихнуть ответственность и последствия принимаемых решений не на кого. Именно эти люди, принимающие сейчас решения в области национальной безопасности САСШ, собрались сейчас на военно-морской станции Анакостия в так называемом «стеклянном доме» – десятиэтажном цилиндре из стекла и бетона, одном из зданий, построенных специально под новые разведывательные службы. Кабинет, где проходило совещание, находился на десятом этаже – фактически это был одиннадцатый этаж, но он считался десятым, потому что между девятым и десятым в этом здании был технический этаж, который обычно бывает последним. На десятый этаж не ходил ни один лифт, лестницы были со шлюзами, и всем проходящим пришлось подвергаться повторному просвечиванию на сканере и повторной биометрической идентификации личности. Исключений в этом не делалось ни для кого, даже для тех, кто сегодня здесь собрался.

– Начнем... – Президент Морган, по должности председатель Национального антитеррористического центра, открыл папку с раздаточным материалом, поморщился, обнаружив очередную схему в стандарте IDEF0. – Мистер Фернесс, может быть, вы ознакомите нас с текущей ситуацией, прежде чем мы начнем разбираться в этой ереси?

Хэл Фернесс, бывший командующий корпусом морской пехоты САСШ и нынешний помощник президента САСШ по вопросам национальной безопасности, который по традиции должен был ознакомить всех остальных членов совета с текущей ситуацией, мановением руки с зажатым в ней пультом первым делом установил максимальный режим разрешения на экране, потом показал первый слайд.

– Приступим, джентльмены... Данная схема была разработана специальной группой независимых аналитиков – экспертов по проблемам терроризма. В их число вошли французский генерал Венсан Бельфор, ныне находящийся в Мексике, испанский полковник, граф Альберто да Ривера, специалист из Секретариата государственной безопасности, князь Адольф фон унд цу Путлиг, бывший рейхспротектор Германской Западной Африки, князь Александр Воронцов, бывший наместник Его Величества на территории Персии. С нашей стороны рабо-

тала группа специалистов под руководством бывшего посла в Персии, господина Томаса Пикеринга, который здесь присутствует и готов дать пояснения.

Томас Пикеринг, бывший посол в Персии, а ныне начальник департамента СРС, кивнул головой.

– Итак, для начала исходные данные. Мексика – крупное федеративное государство со сложным этно-племенным составом. На территории Мексики, как и по всей Латинской Америке, получили опасное распространение идеалы коммунизма. Первоначально это был коммунизм, разжигаемый выходцами из России, главным из которых был некий Лейба Давидович Бронштейн, он же Лев Троцкий, сейчас это коммунизм, разжигаемый националистами, возглавляемыми крупной мексиканской олигархией. Он мутировал, господа, коммунизм вообще обладает необыкновенной способностью мутировать, приспосабливаться к среде. Теперь местный, модифицированный коммунизм базируется на следующих постулатах.

Фернесс сменил слайд.

– Первый постулат – проповедь национальной исключительности. Изначальный коммунизм был интернационален и универсален, постулат национальности он вообще не рассматривал, но сейчас местные коммунисты повернулись с точностью до наоборот. Истоки этого движения лежат в сочинении «La Raza Cosmica», «Космическая раса», принадлежащем перу мексиканского философа и кандидата на пост президента Мексики в двадцать девятом году прошлого века Хосе Васконселоса. Этот человек провозгласил испанцев, смешавших свою кровь с местными индейцами – ацтеками, пятой, «космической» расой, за которой будущее на континенте. На тот момент мы всемерно поддерживали Васконселоса и движение, потому что Васконселос выступал против разрушительного коммунизма Троцкого и призывал своих сторонников к борьбе с коммунистами с оружием в руках. Именно благодаря развитию национализма в Латинской Америке нам долгое время удавалось удерживать ситуацию под контролем и не допускать прихода коммунистов к власти в какой-либо стране. Однако коммунисты мутировали. После того как нам удалось нанести им ряд серьезных ударов, они пошли на переговоры с националистами и теперь выступают единым фронтом. Теперь коммунистическое будущее рисуется только как результат победы пятой расы в войне – и таким образом разногласия снимаются.

Второй постулат – возвращение к архаике. Новое движение проповедует возврат во времена господства Ацтеков, при этом возвращение трактуется как освобождение родной земли от нашествия чужаков. В роли чужаков выступаем мы, все европейцы и мы. Полковник да Ривера особенно подчеркнул, что расчет на национальное родство испанцев, как бывшей метрополии, и мексиканцев не работает.

Третий постулат – агрессивный коммунизм. Новое общество трактуется как общество общин, общинного труда и общинного распределения, простого и понятного. Общество-семья, общество ячеек и коммун. Ни от кого особо не скрывается, чем должны заниматься коммуны – возделыванием наркотиков. Они считают, что это исконный промысел индейцев – выращивать кокаиновый куст. Только если раньше кокаиновые листья жевали, то теперь делают из них кокаин.

Четвертый постулат – агрессивный антиамериканизм. Они воспринимают нас как вселенское зло. Мы оккупировали их землю. Мы не даем им выбрать правительство, которое они хотят. Мы заставляем их работать. Мы насилуем и совращаем их женщин. Их цель – не только наше поражение в Мексике, но и отделение от нашей территории штатов, где значительную долю населения составляют испаноговорящие переселенцы из Мексики и их потомки. После этого предполагается провозгласить Ацтлан – государство ацтеков.

Наконец, пятый постулат – вооруженное насилие, которое можно и нужно применять ради достижения своих целей. Это они позаимствовали из коммунизма. Их власть над жителями Мексики, пока нелегальная, опирается на систематически осуществляемое насилие как в

отношении неугодных, так и в отношении миротворческих сил. Насилие – вот то, что составляет самую их суть.

Агрессивно-националистические движения на настоящем этапе развития опасны тем, что их поддерживает большинство мексиканцев и, что самое страшное, поддерживают высшие слои общества, часть бизнеса и олигархии. Если коммунизм не поддерживался олигархией априори, поскольку подразумевал обобществление накопленного богатства, то новое движение поддерживается высшей прослойкой общества, по крайней мере ее частью. Сейчас националистические движения уже осторожнее подходят к вопросам обобществления, предлагая обобществить только макиладорес – заводы в приграничной зоне, принадлежащие в основном североамериканским бизнесменам. И вообще – все, что принадлежит не расе, не мексиканцам.

Вторая причина поддержки – то, что в Мексике можно гораздо чаще, чем у нас, встретить истории успеха, только в крайне извращенной форме. Основной товар там – переправляемый из Колумбии кокаин. При переправе через границу и распространении даже оптом можно сделать «три конца» – т. е. наценку триста процентов, такой наценки нет ни в одном легальном бизнесе. Конечно, при пересечении границы многие попадают, а кто-то даже бывает застрелен – но бывают те, кому везет. Пары удачных рейсов хватает для того, чтобы ты стал уже главарем и нанимал людей, которые рисковали бы за тебя. Таким образом, годам к тридцати выходец из нищих районов барриос может стать миллионером. Миллионером в долларах, а не в песо, в песо там все миллионеры. Этот человек, в тридцать лет ставший миллионером, располагает огромными деньгами, но внутри он остается тем же самым пареньком из барриос, с теми же искаженными морально-ценностными ориентирами, с тем же жизненным опытом. Поэтому он поддерживает националистов, поэтому он поддерживает даже откровенных коммунистов. Ну и бизнес-интересы – без них никак. Если они создадут Ацтлан, если они смогут открыть посольства и пользоваться дипломатической почтой для переправки кокаина – их доходы будут просто космическими.

Специальная группа, проанализировав ситуацию, выделила следующие основные особенности обстановки в Мексике.

Первое – это феномен длительного существования общества при разрушенных или парализованных государственных институтах. Нынешняя фаза обострения конфликта началась в восемьдесят втором году и продолжается и поныне с небольшими перерывами. Фактически можно говорить об идущей в Мексике социальной войне. В Персии ситуация кардинально отличалась тем, что там было государство, и государство сильное – соответственно, после его крушения основной задачей было быстрое восстановление государственных институтов, а дальше – борьба с противниками нового государства. Феномен Франции – это феномен привнесения совершенно чуждой европейской культуры на новую землю и противостояние по этнической и религиозной линиям – но и там были государственные институты. Феномен испанского Марокко практически схож с Францией. Ближе всего нам подходит германский опыт, но Священная Римская империя изначально строила колониальное государство, которое предполагало простое подчинение колонизируемых народов, а мы пытаемся заставить мексиканцев построить государство самим, в то время как они этого не хотят. Сегодня оружие в руках у поколения, которое уже не знает другой жизни, кроме жизни вне закона, жизни в беспределе. Поэтому время для терапевтических решений упущено, государство должно строиться заново.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.